ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Александр Афанасьев
КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

Александр Афанасьев
Крушение иллюзий
Серия «Период распада», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=656885
Крушение иллюзий: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51065-8

Аннотация

Они были солдатами. Американцы подполковник Джереми и капрал Протасофф, китайский разведчик Ли, казачий есаул Иван Белый, йеменский снайпер Махмуд. Их командиры, президенты и аятоллы были уверены: еще немножко, еще чуть-чуть – и долгожданная победа над международным терроризмом (американским империализмом, врагами ислама, проклятыми бандеровцами – нужное подчеркнуть) будет достигнута. Но в современной войне нет победителей, есть только проигравшие. В выигрыше обычно оказывается кто-то третий. Тот, кто смотрит на войну со стороны…

Эпоха Распада продолжалась. Под свист пуль и разрывы высокоточных снарядов мир уверенно катился в пропасть. А солдаты сражались. Они сражались за родину. Каждый – за свою.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 121

Александр Афанасьев
Крушение иллюзий

Клянусь небом с созвездиями! Клянусь днем обещанным! Клянусь свидетельствующим и засвидетельствованным! Да сгинут собравшиеся у рва огненного, поддерживаемого растопкой. Вот они уселись возле него, будучи свидетелями того, что творят с верующими. Они вымещали им только за то, что те уверовали в Аллаха Могущественного, Достохвального, которому принадлежит власть над небесами и землей. Аллах – Свидетель всякой вещи! Тем, которые подвергли искушению верующих мужчин и женщин и не раскаялись, уготованы мучения в геенне, мучения от обжигающего Огня. Тем же, которые уверовали и совершали праведные деяния, уготованы Райские сады, в которых текут реки. Это – великий успех!
Коран 85:1–11

Народы нападут на вас, подобно голодной толпе людей, пожирающей блюдо с едой. «Сподвижники спросили: «Это потому что нас будет мало?» Он сказал: «Нет, вы будете многочисленны, но вы будете слабы, подобно морской пене, и Аллах удалит страх перед вами из сердец ваших врагов и бросит в ваши сердца «вахн». Они сказали: «Что такое «вахн», о Посланник Аллаха?» Он ответил:

«Любовь к этому миру и ненависть к смерти».
Слова пророка Мухаммеда.
Передано Абу Даудом

Ближняя ретроспектива. 04 июля 2010 года
Йеменская Арабская Республика
Красное море, остров Аль-Фаза
USN Task Force 161

За каким-то чертом его послали кружной дорогой. Вместо того, чтобы как белому человеку прилететь в Саану на пассажирском самолете с пересадкой где-нибудь в Абу-Даби или еще в каком-нибудь хорошем месте, его кинули кружным путем – на базу в Кефлавике, потом в Рамштайн, потом в Джибути. А в Джибути, форпосте Соединенных Штатов Америки на Африканском континенте, он, вместо того чтобы лететь наконец на эту проклятую Сану, получил предписание прибыть на остров Аль-Фаза за каким-то дьяволом. За каким – он так и не понял, там даже не было американской военной базы, американцы базировались в порту Аден и на гораздо более крупном острове Сокотра, принадлежащем Йемену и закрывающем выход из Аденского залива. Но армейский приказ есть армейский приказ, и майор американской армии Роберт К. Джереми, семьдесят пятый полк рейнджеров, давно оставил всяческие попытки спорить с армейской бюрократией – себе дороже. В конце концов – солдат спит, служба идет, жалованье в тройном размере капает, выслуга тоже – и за эти бабки армия Соединенных Штатов Америки

могла располагать майором Джереми, как ей того хотелось. Аль-Фаза – так Аль-Фаза.

Кстати, рейсы на Аль-Фазу, явно армейские, обслуживались какой-то частной авиакомпанией, летающей с базы в Джибути, – но на новеньких русских вертолетах Ми-17, используемых здесь частниками для перевозок грузов и охоты на пиратов и боевиков. Вертолет был изначально гражданский – а значит, на нем была нормальная звукоизоляция, и вообще лететь было комфортно.

Так получилось, что этот регион был изначально под властью Советов, Советы обосновались и с того, и с другого берега Аденского залива, и американцам оставалось за этим только наблюдать, скрежеща зубами. Впрочем, никаких мер к тому, чтобы изменить такую ситуацию, не предпринималось – присутствие Советов не было критически важным, супертанкеры из Персидского залива могли следовать не через Красное море, а на восток, через Индийский океан и прямиком на Западное побережье США. К тому же мощь Шестого флота исключала всяческие поползновения перекрыть здесь фарватер – у русских в этом районе была только небольшая база на Сокотре и несколько стоянок в порту Аден и на другом берегу, в Сомали, в том числе в порту Могадишо, одном из крупнейших в Африке. Русские военные корабли туда заходили, но постоянно не базировались, их флот был намертво заперт в Черном море.

Йемен до девяносто четвертого года вообще был разделен

на два Йемена, Северный и Южный, Южный был коммунистическим, а северный – вроде как капиталистическим, но и там и там, были советские военные советники. В Сомали на другом берегу на посту пожизненного президента Сомали сидел некий Мохаммед Сиад Барре, генерал армии, учившийся в Академии имени Фрунзе, – и в стране тоже были советские военные советники. Сейчас сложно поверить, но Могадишо когда-то входил в десятку крупнейших и красивейших городов Африки, он развивался как крупный морской порт и переваливал грузы чуть ли не на всю Северную и Восточную Африку.

Когда рухнул Советский Союз, начались проблемы, после Эй-стана майор Джереми много думал о том, а не глупость ли они сделали, развалив Советский Союз, – ведь сейчас получилось, что все проблемы, которые когда-то решали русские, свалились на них, и теперь их вынуждены решать они, американцы. Первым рвануло в Сомали: взбунтовались северные кланы и вместе с ними – значительная часть армии. Просто удивительно, как быстро и легко рухнуло, в общем-то, казавшееся благополучным государство, – диктатор был вынужден бежать из столицы на танке, а северяне вместе с остатками армии ворвались в город и устроили погром. Надо понимать – что может твориться в довольно благополучном городе с больше чем миллионным населением после того, как туда врываются нищие, фанатичные и жестокие повстанцы.

Йемен же в девяносто четвертом объединился, но думать, что он объединился добровольно, – ошибочно. Первоначально сильнее был Южный Йемен благодаря значительным объемам советской военной помощи и доходам, какие они получали от эксплуатации порта Аден, – и можно было бы предполагать, что объединение страны произойдет на базе Южного Йемена, а не наоборот. Но южные йеменцы все испортили – наверное, это был первый случай в мировой истории, когда президент страны поднял мятеж против собственного народа. История эта довольно хорошо известна, и пересказывать ее смысла нет – достаточно сказать, что безумная бойня в столице, в ходе которой погибло больше ста тысяч человек (город был просто завален трупами), ослабила Южный Йемен настолько, что в девяносто четвертом объединение произошло на базе Северного Йемена. Предшествовало объединению крупнейшее танковое сражение в новейшей истории, которое превзошло даже Истинг-семьдесят три[1] и в котором участвовало больше четырехсот танков. Битва эта отличалась неимоверной жестокостью – были уничтожены почти все участвовавшие в ней части, и привела она в конечном итоге к тому, что южные элиты решились сдать свою страну северу. Официально страны объединились по согласию, но столицей страны стал небольшой город Саана в глу-

[1] Битва у семьдесят третьей дороги – основная танковая битва «Бури в пустыне». О результатах этой битвы спор идет до сих пор: иракцы были разгромлены, но американцы после этого даже не сделали попытки захватить Ирак и свергнуть Хусейна. Это они сделают потом, и последствия всем хорошо известны.

бине страны, а не портовый Аден с населением за миллион человек.

Еще в советские времена в Йемене были банды – там были горы, в горах были бандитствовавшие племена, так называемые муртазаки. Эти племена исповедовали агрессивный ислам, поддерживались ваххабитской Саудовской Аравией, благо она граничила с Йеменом, и воевали с законной властью. Разбомбить их было невозможно – они жили в горных пещерах, никакие бомбы не брали, бронетехника в горах тоже не могла пройти, а идти в горы без бронетехники – себе, извините, дороже. Но и муртазаки, для того чтобы добыть себе средства к существованию, вынуждены были выходить на относительно проходимые участки, чтобы разбойничать и грабить караваны, – там-то их и встречали военнослужащие правительственных войск с советскими военными советниками. Так эти две стороны вялотекущего конфликта гонялись друг за другом, но никогда все это не выходило за пределы страны и не причиняло никому вреда.

Сейчас – вышло.

Аль-Фаза был небольшим, но имеющим стратегическое значение островком, недалеко от побережья Йемена в Красном море, с острова можно было наблюдать за тем, как по фарватеру идут корабли, девять десятых из которых составляли торговые и только одну десятую – военные. Военные охраняли судоходство, это были небольшие быстроходные суда классом не выше эсминца и скоростные катера пат-

рульной службы, вооруженные максимум одним пулеметом. На острове же, который был отдан всецело в ведение американцев, американцы, приложив немалые усилия (рельеф острова был совсем неблагоприятным), построили вертодром и пристани для малых катеров размером со знаменитый Elco-80 времен Второй мировой. Сейчас катера такие назывались Марка-пять и вооружением их были не торпеды, а пулеметы и гранатометы. Они были припаркованы у наплавной пристани, которая поддерживалась на воде надувными баллонами, и тут же стояли скоростные лодки RHIB, большого и среднего размеров, с одним или двумя пулеметами и кевларовыми шторами, с бойницами на бортах, – лодки спецназа. Вертолеты на острове также были переоборудованы для охоты на пиратов: легкие Bell с подвесным контейнером – автоматической пушкой Bushmaster-25 под брюхом и приборами для разведки и обеспечения полетов в ночных условиях. Выкрашены они были в нетипичный для американской морской авиации радикально-черный цвет.

Ми-17 приземлился на специально выделенную для вертолетов этого класса единственную площадку, в стороне от основных, go-go-go! – и они остались на острове. Пять человек, среди них майор Джереми, которых никто не встречал.

– Кажется, штаб там… – сказал один из прибывших, явно военный, бывший морской пехотинец, с типичной для морских пехотинцев прической, тупостью и техасским акцентом.

– Ну и двинули туда…

У штаба майор поймал парня в форме летного технического персонала.

– Сынок, не подскажешь, где можно найти командование?

– Командование в том здании, – техник указал на один из модулей «иракского» типа, – если оно на месте, то оно там.

У модуля никто не дежурил, что было весьма странно и необычно – в армии у штабного здания должен быть пост, у штаба еще должен был быть флагшток и флаг на нем. Ничего из этого там не было, и это наводило на определенные мысли.

Майор, который тащил на плече здоровенный рюкзак, протянул руку к ручке двери и тут заметил, что она – с системой контроля доступа. Но обдумать сложившееся положение он не успел – система допуска запищала, и дверь начала открываться.

– Сэр…

Крепкий, лет под пятьдесят мужик в камуфляже без знаков различия удивленно уставился на него…

– Лейтенант? Три-один?

– Сэр?

Ретроспектива
Колумбия
1996 год

Выпускающий – черный, как черт из преисподней, – повернулся, показал на пальцах готовность к высадке, проорал,

перекрикивая ветер и захлестывающий в вертолет через аппарель дождь.

– Одна минута!

– Одна минута! Готовность! – продублировал командующий ими капитан.

Курсанты специальной школы выживания в условиях джунглей, расположенной в Панаме, молча встали с сидений, выстраиваясь в две шеренги. Минута – и они шагнут в косую стену дождя…

История была полным дерьмом… одной из тех историй, которые никогда не попадают на страницы газет, потому что американские солдаты находятся и действуют не в том месте, где они должны бы быть. В колумбийскую сельву была заброшена специальная группа, состоящая из контрактников CIA и агентов DEA из боевых групп, которые вели необъявленную войну против наркомафии в Колумбии, организации, которая после крушения СССР снюхалась с крайне левыми террористическими группировками, с той же FARC, и вполне могла взять власть силовым путем. Основной удар пришелся на медельинских наркобаронов – полуторамиллионный город Медельин находился под их полным контролем, но доставалось и другим. В вопросах борьбы с наркомафией местное правительство сотрудничало с американцами, потому что уже было нападение на Верховный суд страны и сенаторов отстреливали с завидной регулярностью, про прокуроров и следователей и говорить было нечего – и все понима-

ли, что с ними будет, когда мафия в союзе с левыми придет к власти. Но в последнее время появились серьезные подозрения, что правительство Колумбии подставляет одних наркобаронов исключительно для того, чтобы расчистить дорогу для других, связанных с властями и колумбийской спецслужбой DAS. Началось все с курьезного происшествия – сотрудники ЦРУ принесли на просмотр в Совете национальной безопасности пленку, где было запечатлено, как колумбийцы жгут изъятый кокаин. Один из тех, кто присутствовал при просмотре, был профессиональным химиком, и черт его дернул за язык сказать, что кокаин так гореть не может, что это горит тальк или что-то в этом роде. Президент приказал разобраться, начали разбираться. Поняли, что, несмотря на серьезные успехи, несмотря на ликвидацию одних наркобаронов и арест других, уличная цена на наркотик не уменьшается, а это говорит о том, что поставки как шли, так и идут. Вышли на какой-то правительственный объект, который числился как база ВВС резерва. Туда направили группу, прибыла она легально, самолетом, ушла в джунгли – потом прозвучал сигнал тревоги.

Вот тут-то и сказалось то, что операцию готовили ублюдки из ЦРУ. Резерва, способного прийти на помощь попавшей в беду группе, не предусмотрели – и пришлось срывать с места курсантов школы, преподающей выживание в джунглях[2]. Среди них был тогда еще лейтенант Роберт Джереми.

---

[2] Слово «курсанты» не должно вводить в заблуждение, в армии США обучение

– Сброс!

Два вертолета НН-3[3], каждый из которых нес по двадцать бойцов, зависли над джунглями, вниз полетели тросы. Несколько шагов по рифленому, дрожащему полу десантного отсека, короткий, обжигающий руки полет – и ты уже в зеленом аду. В аду, откуда можно не выбраться, – они прошли чуть больше половины программы, но уже поняли это.

– Выброска завершена!

– Сбор! Общий сбор!

Проблема в том, что подразделения как такового нет – есть люди, приехавшие из разных подразделений, чтобы пройти курсы. Рядом с рейнджером Джереми, например, стоял сержант морской пехоты, приехавший на курсы с базы на Окинаве. Напротив стоял молодой негр – пулеметчик с нашивками восемьдесят второй воздушно-десантной.

– Итак, джентльмены, – инструктор не собирался расшаркиваться перед ними, – вы ни хрена не взвод, не рота, вы просто сборище. Учебный взвод – не считается. Скажу кратко – только вместе. Иначе – подохнете. Начинаем движение. Головной дозор – ты, ты и ты, я пойду с вами[4]. В арьергарде

представляет собой не непрерывный курс военного училища, а постоянное повышение квалификации. Курсы выживания в джунглях – это не курсы, где учат быть офицерами, а курсы, где уже готовых солдат и офицеров учат, как выживать в джунглях, и не более того.

[3] НН-3 – старая модель Сикорского размером с Ми-8. Почему-то снята с вооружения.

[4] Это серьезное нарушение Устава. Командир никак не должен идти в головном

идут… ты, ты, ты. Фланги…

Погода была совершено мерзкой, сезон дождей, дождь в это время идет почти непрерывно. Сплошная стена серого, шуршащего дождя… они еще не вошли в настоящие джунгли, где дождь задерживается кронами, а потом низвергается вниз потоками и водопадами. Под ногами – мерзкая хлябь, где по щиколотку, где и глубже, вода буквально стоит на земле, потому что дождь идет уже пятые сутки подряд. Единственно, что в этом может быть хорошего – в такой дождь никакие звуки, даже звуки стрельбы, не слышны дальше чем на сто шагов.

Пятые сутки – дождь. Ничего – кроме дождя.

– Стоп! – Инструктор поднял автомат. – Слушать!

Они прислушались… шорох падающих капель, стук их о листья, о землю, непрерывный такой стук…

– Сэр, это что – выстрелы? – вдруг сказал кто-то.

Только сейчас лейтенант понял, что где-то впереди работает пулемет, монотонно и страшно, и это его далекий грохот он принял за звуки дождя.

– Хреново, – подытожил инструктор, – свяжись с основными силами. Быть готовым к боеконтакту по…

Инструктор прервал свою речь на полуслове – Джереми был ближе всего к нему, он повернулся и увидел, что инструктор *лежит* в грязи, хватая ртом воздух, как вытащен-

---

дозоре.

ная на берег рыба.

– Конта-а-акт!!!

Все бросились за укрытия, открыли прикрывающий огонь во все стороны, один из автоматов сразу вышел из строя… чертов дождь. Несмотря на явную опасность, Джереми подполз к инструктору, потащил его за собой, по всей грязи, по всей этой мерзости в укрытия, за обвитые лианами деревья. Он даже не знал, как его зовут, просто «сержант, старший инструктор, сэр», и все. Он тащил его и тащил, видя только в этом свое предназначение, только эту миссию. И вытащил – хотя явно находился под прицелом.

– Сэр… все будет в порядке, сэр.

Оказавшийся рядом стрелок, парень из восемьдесят второй, прикоснулся к шее инструктора.

– Мертв… – бросил он.

Но лейтенант все еще пытался его спасти даже после того, как подошли основные силы.

Смысла больше говорить о скрытности не было, где был этот снайпер, откуда он стрелял – никто не знал, они не видели его трупа и не знали, сумели ли подстрелить его. Снайперу тоже было не с руки связываться с целым взводом, даже усиленным. В джунглях стреляют на расстояние сто, максимум двести метров, дальше просто невозможно прицелиться, и скрытность тут гораздо важнее всего остального. Снайпер просто исчез, испарился, как злой дух, забрав в качестве

жертвы одну из жизней. Бил он точно – пуля вошла в районе ключицы, где бронежилет тело уже не защитит.

Возникла еще одна проблема, они остались без командования.

– Ну… – мрачно сказал один из них, – и кто у нас тут старший по званию?

– Принимаю командование на себя! – резко сказал один из курсантов. – Я капитан-лейтенант ВМФ США, группа 3 SEAL Стивен Бьюсак, слушать мою команду.

– Чертовы морские котики, вам бы только в цирке мяч на носу вертеть, – недвусмысленно выразился один из рейнджеров.

– Хочешь, продемонстрирую это с твоим носом? – мгновенно ответил Бьюсак, выглядел он решительно, как и обычно выглядят морские котики, даже задиристо.

– Стоп, стоп, стоп… – недовольно сказал один из десантников, – не хватало еще разборок. У нас боевое задание, забыли? Слушаю вашу команду, сэр!

Рейнджер хотел что-то сказать – но не сказал. В конце концов, командир был действительно нужен.

– Перестроиться. Головной дозор восемь человек, удаление тридцать метров. Замыкающий нам больше не нужен. Два фланговых по четыре человека, на удаление прямой видимости. Ты и ты – понесете тело инструктора. Двинулись!

Специалисты из группы, выполнявшей особое задание,

не шли через джунгли – они через них бежали, что делать категорически не рекомендуется, если ты не сошел с ума. Джунгли – это тебе не дорожка общественного парка.

Троих они уже потеряли, убедились, что они мертвы, и взять с собой не смогли, было не до этого. Еще одному не повезло – он был ранен, но так, что идти не мог. Он остался в джунглях с автоматом и гранатами, чтобы хоть на немного задержать преследователей. Его последний бой, закончившийся подрывом гранат, они слышали – не успели далеко отойти.

Их преследовали профессионалы. В джунглях было немало профессионалов, наркомафия имела столько денег, что могла купить лучших из лучших, – да и слишком много людей, умеющих хорошо обращаться с оружием, появилось на рынке в последнее время. Но это были особенные профессионалы, их учили не Советы, не кубинцы – их учили они сами, и они знали американскую тактику действий малых групп лучше всех остальных, потому что именно ей их и учили. Школа Америк… летное поле Херлберт-Филдс, отправная точка многих специальных операций в этом регионе мира. Они учили этих гончих псов, поразительно жестоких латиноамериканцев, для тех маленьких грязных войн, которые велись на их родине. Сальвадор, Колумбия, Никарагуа… Маленькие грязные войны, типичная картина – правое правительство и армия против левого, подверженного проникновению коммунизма нищего народа. Они учили их уби-

вать – убивать на улицах городов и в джунглях, убивать тихо и убивать демонстративно, бороться с партизанами, пытать, вешать. Теперь Советов не стало, коммунистов не стало, но осталась масса людей, которые в этой жизни не умеют ничего, кроме этого – преследовать, выслеживать, убивать. Они уже знали о том, что инструкторами в лагерях колумбийской леваческой ФАРК, перекупленной на корню наркомафией и охраняющей посевы коки, работают бывшие бойцы сальвадорских противоповстанческих батальонов, которых во время критической фазы конфликта было пять, а теперь остался только один. Но когда они дошли до той базы, они убедились, что все зашло дальше – намного дальше, чем кто-то мог себе представить.

Один из группы по имени Майк, их «тихая смерть», разведчик, вооруженный MP5SD3 с оптическим прицелом, вдруг рухнул на бегу, раскинув руки. Командир бросился к нему.

– Что? Подстрелили?

Майк перевернулся на спину, тяжело, загнанно дыша.

– Идите дальше. Я… их задержу.

– А ну встать!

– Не могу… Не могу, хоть убей…

Это был Майк. Черт побери, это был Майк! Командир группы знал его с тех самых времен, когда они еще желторотыми пацанами на пару пробирались по смертельно опасным улицам Сан-Сальвадора, города, где ненависть букваль-

но перехлестывала через край, где не было ни дня, когда бы не произошло одной из тех сальвадорских перестрелок: в самой гуще толпы, три-пять секунд – и несколько трупов. Тот, кто прошел Сальвадор, мог потом выжить в любом другом месте.

– Что? – подскочил еще один стрелок.

Командир, ни слова не говоря, достал отснятый материал, упакованный в стальную герметичную коробку, передал ему.

– Уходите. Мы их тормознем минут на десять.

– Погибнете.

– А ну пошел! – заорал командир.

Стрелок только посмотрел на них – как на людей, которых больше никогда не увидит, – и бросился бежать дальше.

Командир группы поднял голову к небу, которое можно было увидеть в редких прогалах между кронами. Дождь… ничего, кроме дождя.

– Вставай! Нужно готовиться к обороне.

Они появились из пелены дождя – настороженные, опасные, готовые ко всему. В сером одинаковом камуфляже… ничего похожего на то, что носят партизаны, с однотипными винтовками Galil, которые производят в Колумбии по лицензии на заводе INDUMIL. Это были никак не партизаны, не боевики наркомафии – это было регулярное военное формирование.

Майк прицелился и сделал свою самую лучшую серию,

он сумел снять троих, прежде чем остальные поняли, что происходит, и открыли огонь. Убил, ранил – неважно, раненый даже лучше убитого, потому что для помощи раненому нужно выделять как минимум двух человек. Шквальный огонь оставшихся разорвал джунгли – и тут с грохотом взорвались обе мины Клеймор, которые поставил командир, – последние, какие у них были. Дым, грохот, запахло горелым… семьсот стальных шариков в каждой, выбрасываемых в неприятеля. Это должно их тормознуть.

– Отходим!

И тут с фланга размеренно и гулко забухтела «свинья» – проклятый M60[5], неторопливый убийца. Его огонь – пули пробивали деревья – бросил их на землю, и уже ни о каком отступлении не могло быть и речи.

Командир достал осколочную гранату, готовясь к худшему, – и вдруг с тыла хлестанул такой шквал огня, как минимум два десятка автоматов и несколько ручных пулеметов, что ему осталось только вжаться поплотнее в землю.

– Свои! Свои!

Крича «свои», потому что в безумии схватки в джунглях ошибиться и пристрелить своего проще простого, в джунглях делают то, что никогда нельзя делать в других местах, –

[5] «Свинья» – одно из прозвищ единого пулемета M60, у него и в самом деле невысокий темп стрельбы и характерный глухой звук выстрела. Пулемет очень плохой, возможно, самый худший из тех, которые были на вооружении американской армии.

бьют на шорох, на мелькнувшую тень, просто туда, где может быть противник, лейтенант Джереми пробежал под огнем метров пять вперед и плюхнулся в грязь, держа винтовку на вытянутых руках.

Человек – настолько грязный, что Джереми принял его за мертвого, – вдруг повернулся к нему. Безумные глаза, грязное лицо, рука с гранатой.

Чеки в гранате не было.

– Вы кто, мать вашу?

– Спасательная команда! Рейнджеры! Нас за вами послали!

– Могли бы и побыстрее шевелиться!

– Да пошел ты! Гранату брось, какого хрена она у тебя в руке?

Человек посмотрел на намертво зажатую в руке гранату, в американской гранате вставить чеку обратно нельзя, и поэтому он приподнялся и бросил ее в сторону неприятеля. Ответом был новый шквал очередей.

– Какого хрена здесь делается?!

– За нами хвост! Человек семьдесят, если не больше.

– Семьдесят?!

– Если не больше!

– Надо валить! Впереди есть еще кто?!

– Да! Один парень! Вон там!

– Жив?

– Не знаю!

Надо вытаскивать…

– Прикрой!

Лейтенант пополз вперед – плотность огня была такой, что иначе передвигаться было нельзя. Попав под огонь и потеряв убитыми и ранеными уже не меньше половины личного состава, неизвестные не растерялись и не дрогнули, уже это говорило о том, что перед ними не партизаны, а часть регулярной армии. У них, кроме американских, были немецкие пулеметы, которые не вырубались ни на секунду, а кроме того, у них были эти проклятые Галили, которые не надо чистить, даже если винтовка упала в грязь и к которым есть магазины на пятьдесят два патрона. К тому же у них оказались в арсенале и гранатометы РПГ. Несмотря на серьезные потери, неизвестные попытались выделить из своих рядов маневренную группу и отрезать американцев, только серьезный опыт и подготовка американских солдат позволили им сорвать этот маневр. Но в чью пользу в конце концов закончится бой – никто не сомневался. Для авиации – нелетная погода, сейчас к месту боя со всех сторон подходят боевики наркомафии и партизаны, максимум через час их окружат и отрежут все пути к отступлению…

Лейтенант пытался стрелять из своей М4 по вспышкам и ползти одновременно, но это привело только к тому, что его автомат отказал, забившись грязью. Тогда он плюнул на все и пополз. И дополз… парень казался мертвым, но лейтенант схватил его и потащил за собой. Если даже он и мертв

– оставлять его здесь нельзя.

А потом – был бросок к посадочной площадке, бросок под огнем, с семью убитыми на плечах и черт знает каким количеством раненых, – потом, когда разбирались, оказалось, что ранений не получили только трое…

– Вот она!

За деревьями светлела пустота… проклятие, как и сказал один из офицеров той спецгруппы, это была посадочная площадка, с которой взлетают нагруженные кокаином самолеты наркомафии, небольшая, вручную вырубленная и расчищенная в джунглях теми, кто имел перед мафией небольшие долги и вот таким трудом отрабатывал их. Полоса была длиной метров сто… если не меньше, она поросла травой, а в конце ее под кронами деревьев скрывалась небольшая лачуга, там хранили бочки с авиационным керосином и небольшой насос, чтобы заправлять самолеты.

– Занять круговую оборону! Держать линию, мать вашу! Связь!

Они заняли позиции в центре, кое-кто даже начал окапываться, хотя понимал, что это бесполезно – по ним уже вели огонь, к боевикам постоянно подходило подкрепление, и они вцепились в них крепко, не отпускали.

– Браво-шесть, это Дельта, задание выполнено, мы заняли посадочную площадку шестью милями южнее пункта Браво! На нас насели чертовски плохие ребята, до один два ну-

ля единиц, у них пулеметы и гранатометы. Нам срочно, повторяю, срочно нужна эвакуация и поддержка, повторяю – срочная эвакуация для Дельты!

Капитан-лейтенант Бьюсак договорить не успел – ракета, проклятый заряд РПГ, стальная стрела, оставляя за собой серую полосу дыма, пронеслась рядом с ним, да так близко, что он упал в грязь вместе с рацией…

– Держать оборону! – заорал он сорванным голосом. – Если прорвутся…

И сам открыл огонь.

Вертолеты появились тогда, когда у кого-то боеприпасы уже закончились, а у кого-то осталось по магазину-два. Две «кобры», узкие, похожие чем-то на акул хищницы, вывалились из облаков и атаковали кромку леса ракетными снарядами «Зуни», а потом затрещали «трещотки» – скорострельные двадцатимиллиметровые пушки, которые стреляют так быстро, что со стороны это похоже на лагерный луч, под которым все разлетается на части. Кто-то догадался бросить зеленую шашку, обозначая передний край обороны, и вертолетчики все поняли, даже несмотря на то, что связи с ними не было. А потом – над посадочной площадкой появился король всех вертолетов, спасательный MH-53 Pawe Low, настоящая каравелла, огрызающаяся огнем с трех точек. Бортовые пулеметчики терзали и так истерзанные джунгли, а потом каравелла села – и они побежали к ней, стремясь побыст-

рее оказаться в ее темном чреве. И только тогда лейтенант свалил с плеч свою ношу, а подскочивший санитар проверил пульс и сказал: «Черт возьми, а ведь этот парень жив». Вертолет дрогнул, поднимаясь вверх, кормовой пулеметчик азартно молотил по джунглям, вколачивая в них свои гвозди пятидесятого калибра, но лейтенанту уже ни до чего не было дела…

Отснятые на военной базе материалы они все же сумели доставить. А на них было запечатлено то, как на ДС-10, транспортный самолет, принадлежащий одной мексиканской авиакомпании и выполняющий грузовые рейсы, под охраной людей, очень похожих на специальный отряд колумбийской армии, погрузчиками грузят нечто, что очень походит на мешки с кокаином. Конечно, это мог быть и сахар… и по не известным никому причинам демократическая администрация, усевшаяся в Белом доме, чтобы пожать сполна плоды прекращения «холодной войны», решила, что это и был сахар. В конце концов – это было время эйфории, время конца истории, время, когда рухнул самый главный и самый страшный противник за последние пятьдесят лет, и будущее обещало только мир и процветание. И кому нужно разбираться с этим дерьмом, с этой грязью? Президент трахал практиканток в Овальном кабинете, ЦРУ занималось непонятно чем, армия сокращалась. Кто же мог предвидеть минометные обстрелы американской территории со сторо-

ны Мексики, танки на границе, сожженных в бочках людей и многотысячные бандформирования жестоких убийц, угрожающих превратить Мексику во второй Ливан. Кончилось все тем, что люди из Совета национальной безопасности положили все эти материалы на свои стулья и сели сверху, как наседки, всем тем, кто участвовал в операции, навесили положенные награды, выдали денежные пособия и дружески посоветовали все забыть. Вот и все. А лейтенант Джереми тогда в первый раз за всю военную карьеру задумался, серьезно задумался – он понял, что в государстве, которое он защищает, что-то не так…

Остров Аль-Фаза

– Черт, парень… Я до сих пор помню, как ты меня тащил. Признаюсь – было чертовски неудобно.

– И мне тоже…

Двое псов войны, не вылезающих из нее уже больше десяти лет, отсалютовали друг другу банками с дурным египетским пивом Sakara, которое варилось из чего угодно, но только не из солода и хмеля, может быть, из сахарного тростника, как в Бразилии. Пилась эта дрянь легко, а вот в голову била крепко. Нет здесь нормального пива…

– Черт, что это за религия, когда человек в жаркий день не может выпить холодного пива… – сказал майор то, что ему пришло в голову.

– Какая есть. Ты сюда надолго?

– Стандартная ходка. Как минимум на год.

– И куда тебя?

– Военным советником. Как обычно.

Майк – человек, которого он спас в Колумбии черт знает сколько лет назад, – что-то напряженно прикидывал в уме, это было видно.

– Черт, парень, может, сказать, что ты думаешь, и не мучиться?

– Сказать… Да это сложно – сказать-то.

– А если попробовать.

– Попробовать? Ну… скажем, ты не хочешь работать на нашу контору?

Такой постановке вопроса майор Джереми изрядно удивился:

– То есть? Уйти из армии и перебираться к вам?

– Да нет, нет… И то, и другое, служба не помешает.

Джереми удивился еще больше:

– Вы что, вербуете людей в армии?

– Не совсем так. Но нам нужна помощь, и мы готовы за нее заплатить. Ты знаешь, что здесь происходит?

– Краями.

– Здесь второй Эй-стан. Потенциальный. Ты ведь оттуда?

– Вообще-то да.

– Вообще-то… По последним данным – население сей благословенной страны насчитывает двадцать три миллиона человек – на десятый год это было двадцать один миллион,

здесь рождаемость по четыре-пять детей на семью, никогда такого не видел. Презервативы здесь в ходу только в крупных городах, в провинции и в горах о них и слышать не слыхивали.

– Так проводите работу. В Сьюбик-бей[6] о них тоже когда-то ничего не слышали.

– Проводим… Тут за это убьют сначала девчонку, потом попытаются убить тебя. Случаи уже были. Есть один нормальный город – это порт Аден, туда цивилизация еще веке в XVI пришла, когда-то это был один из крупнейших торговых портов мира. Остальное все – максимум на уровне века XIX, но с оружием. В конце прошлого века здесь были две страны, но в каждой были русские, они поставляли сюда оружие… такое ощущение, что что-то готовилось, потом сорвалось – но оружие осталось.

– Ежу понятно – что…

Соседняя страна – Саудовская Аравия, давний и извечный враг СССР, это она в восьмидесятые обрушила цены на нефть до неприлично низких значений, сделав это исключительно для разорения СССР, а попутно – и разорила Ирак, став косвенной причиной войны. Как ни странно – произошедшее сильно совпало по времени с безумным мятежом в Южном Йемене, когда президент страны (!!!) и его родные племена восстали против остального народа, причем на тот момент в стране скопилась тьма просоветски настроенных

---

[6] Сьюбик-бей – крупная база ВМФ США в Тихоокеанском регионе.

палестинцев из ФАТХа, а поводом к мятежу стала поставка и перехват огромной партии оружия (якобы для палестинцев, но на деле непонятно для кого и для чего). Произошел мятеж, за ним произошла вынужденная эвакуация большей части советского дипломатического и советнического персонала, и Северный и Южный Йемен в результате были ослаблены, и территориальный спор с Саудовской Аравией как-то отодвинулся на задний план. О каком территориальном споре можно говорить, если за несколько дней в собственной стране погибло, по разным оценкам, от ста тысяч до полумиллиона человек?! А ведь тут могло быть не только это – с одного берега Сомали, в котором как-то кстати против режима Барре восстали северные племена, с другого берега просоветский Йемен – а между этими берегами идет нефть для всей Европы и половина из той, что идет для США, по крайней мере нефть на Восточное побережье идет именно этим путем. Вот и думай – что к чему и что почем.

– Понятно-то понятно. Сейчас у власти дикари с Севера, у них большая часть дохода – от торговли наркотиками. Кат – его жуют, скверное дело, что-то типа бетеля. И на эти двадцать три миллиона человек – шестьдесят с лишним миллионов стволов. Значительная часть территории страны – это либо бесплодные пустынные земли, либо горы, в которых живут племена. Племена эти не подчинялись никому и никогда, но в свое время их усиленно вооружали – когда Северный и Южный Йемен стояли друг против друга. Сауды

попытались разобраться с ними в десятом, подкупили местного президента, чтобы тот с другой стороны бросил на племена армию. Итог – сауды нарвались на грамотно построенную противотанковую и противовоздушную оборону, воевать всерьез не захотели, даже снабдили племена трофеями. В армии и силах безопасности прокатился вал измен – военных советников расстреливали в спину, переходили на сторону племен или Аль-Каиды, воевать не собирались – если где и стреляли, так поверх голов. Армия США пришла сюда – пока в качестве советников – после того, как в гавани порта Аден подорвали эсминец «Коул», но толка от этого так и не было. Специалисты ФБР обучали местных правоохранителей – с похожим результатом. И, кроме того, мы не раз и не два засекали активность шиитов, которые есть и по эту сторону границы, и по ту. Шиитам здесь – переплыть залив, и все. И мы в полном дерьме.

– Я так и не понял, что ты мне предлагаешь делать?

– Работать, как ты работал. С одним небольшим «но» – ты должен сформировать подразделение, на которое мы можем положиться. Полностью.

– Мы – это кто?

– Правительство Соединенных Штатов Америки. Ты не считаешь, что это достойная задача? Мы не должны допустить здесь второго Афганистана – любой ценой. Прикинь, сколько здесь можно положить парней, если начнется.

Майор немного поразмыслил. Потом кивнул. В конце кон-

цов – его стране никак не нужен еще один Афганистан.

– Задача достойная…

Потом майор, ставший уже подполковником, кое-что понял. План уже был – и под него нужны были люди. Люди, которые сменят власть – как сто одиннадцатая бригада в Пакистане – и которые станут достойной опорой власти новой. Но все это – было потом.

Центральное разведывательное управление США

Директорат разведки

Офис разведки и анализа России и европейских стран

Секретно

Кому: директору ЦРУ, генералу Дэвиду Х. Петреусу, копии: Министерство безопасности родины – полностью, Государственный департамент – только аналитическая часть.

Тема: оперативная обстановка в России, анализ деятельности повстанческих и террористических организаций.

1. Начиная с 2002–2003 годов рядом лиц в России нагнетается националистическая, империалистическая и откровенно фашистская истерия. Начиная с 2005–2007 годов в России создаются, ежегодно усиливаясь, массовые движения русских националистов. Основная политическая платформа этих движений заключается в антиамериканизме, антисемитизме, агрессивном национализме, отрицании законности действующих властей, призывам к восстановлению Советского Союза в прежних границах. Костяк подобного рода движений составили ветераны войн в Афганистане и Чечне, ветераны боевых действий на территории бывшей Югославии, бывшие армейские офицеры и сотрудники полиции, атаманы казаков – военизированных формирований, воссоздаваемых после разрушения СССР. По нашим настоятельным рекомендациям в течение ряда лет российские власти проводили последовательную политику борьбы с т. н. русским фашизмом. Данный термин был придуман специально для дискредитации идеи русского национализма и постановки его в один ряд с гитлеровским фашизмом, ранее напавшим на СССР.

2. Следует признать, что данная политика не только не принесла желаемого результата, но и, наоборот, способствовала притоку пополнений в организации русских националистов. Особое опасение вызывает тот факт, что основной контингент данных организаций – молодежь, объединяющаяся в знак протеста против

неэффективной политики законных властей, для самозащиты от произвола полицейских структур и действий агрессивных организаций национальных меньшинств, так называемых диаспор. Начиная с 2008 года и по сей день в России регулярно происходят стычки отрядов русских националистов и отрядов так называемых диаспор, в последние три-четыре года в таких стычках с обеих сторон применяется оружие. Каждый такой случай активно освещается в СМИ, российское правительство провело несколько показательных судов над участниками подобных стычек, но это не дало желаемого результата, так как значительная часть населения, опасаясь за свою жизнь и свое будущее, поддерживает действия русских националистов. Отмечены случаи осады зданий судов, каждый приговор, вполне законный, встречается с негодованием. В некоторых городах простые граждане создают вооруженные отряды самообороны и патрулируют улицы.

3. Операция «Оливковая ветвь» и последовавшие за ней события вызвали резкий рост антиамериканских настроений в России, на сегодняшний день антиамериканистами является более девяноста процентов ее населения. Российской власти ничего не остается, кроме как следовать в фарватере агрессивных настроений толпы, в связи с этим за последний год проведена амнистия по делам националистов, на свободу выпущено значительное количество опасных преступников. Особо тяжелая

ситуация складывается на юге России, куда вытеснены русские из Крыма и Украины. Эта озлобленная, потерявшая все масса людей живет в лагерях беженцев и является идеальной питательной средой для зарождения националистических и террористических организаций.

4. Армия России, униженная событиями 2014 года, активно поддерживает националистов. Отмечены факты самовольной передачи командирами воинских частей значительных партий боевого огнестрельного оружия националистам при полном бездействии законных властей. Значительное количество оружия попало и продолжает попадать в Россию с территории бывшей Украины. В Ростове-на-Дону налажено сразу несколько полуподпольных оружейных производств, занимающихся как переделкой гражданского оружия в боевое, так и производством боевого оружия. Их продукция по качеству мало уступает заводским автоматам Калашникова, потому что это оружие специально создавалось как «мобилизационное», пригодное для производства на малоприспособленных для этого площадях без специализированного станочного парка.

5. Пути влияния на ситуацию через законное правительство России утрачены: оно может лишь санкционировать то, что делает вооруженная толпа. Президент Быков не пользуется значительной поддержкой населения России, но остается во главе страны для придания видимости законности всему

происходящему. Сил, на которые он мог бы опереться внутри страны, кроме как националистических, у него нет.

6. Находящиеся только на территории юга России террористические и подрывные организации националистического толка имеют общую численность до полумиллиона человек, как минимум вдвое больше мужчин призывного и мобилизационного возраста готовы пополнить их ряды. На вооружении у данных лиц находится более двух миллионов единиц стрелкового оружия, до двадцати тысяч единиц группового пехотного оружия, до тысячи скорострельных ствольных зенитных систем. Особое беспокойство вызывает наличие в данных организациях в значительном количестве противотанкового (противотанковые ракетные комплексы с наведением по лучу лазера, ручные противотанковые гранатометы) и противовоздушного оружия (переносные зенитно-ракетные комплексы). Значительная часть членов этих организаций служила в армии, полиции, участвовала в локальных конфликтах и имеет серьезный боевой опыт, который передает новобранцам. В большинстве организаций установлена строгая дисциплина, безусловное подчинение командиру. Открыты и действуют более двадцати учебных лагерей, выпускающих специалистов по подрывным и диверсионным действиям, в них преподают специалисты, имеющие значительный боевой опыт, из воздушно-десантных войск, частей специального

назначения, специальных подразделений сил правопорядка и государственной безопасности.

7. Настоящим привожу список наиболее опасных террористических и подрывных организаций, существующих на территории России, стоящих на антиамериканских позициях и занимающихся подрывной и террористической деятельностью.

7.1. Союз ветеранов – боевая организация, созданная несколькими организациями ветеранов войн в Афганистане и Чечне. Имеет отделения по всей территории Российской Федерации, производит централизованные закупки оружия через третьи страны, в том числе германского и израильского, проводит вербовку и обучение добровольцев, сбор средств в качестве добровольных пожертвований. На территории по меньшей мере пятидесяти штатов Российской Федерации имеет боевые лагеря, где проводит бесплатную боевую подготовку, в том числе молодежи и несовершеннолетних детей. Центральный совет организации возглавляет Сивцов Владимир Николаевич, генерал-лейтенант воздушно-десантных войск в отставке, участник боевых действий в Афганистане и Чечне, имеющий значительный личный командный и боевой опыт. Оперативный (разведка и контрразведка) отдел возглавляет генерал-полковник государственной безопасности в отставке Ворончихин Юрий Иванович, бывший резидент КГБ в США, затем заместитель председателя КГБ СССР, руководитель организованного им аналитического

центра, работающего на Правительство России.

Союз ветеранов на данный момент является наиболее опасной боевой организацией националистов, имеет в своем составе не менее пятидесяти тысяч боевых единиц, причем все они являются бывшими и действующими армейскими офицерами, сержантами и рядовыми, отслужившими в армии и имеющими опыт участия в боевых действиях. Вступление в организацию в качестве полноправных членов разрешено только тем, кто отслужил в армии, а затем прошел курс переподготовки в боевых лагерях, с особым упором на совершение актов саботажа и террористических действий в тылу противника. Члены Союза ветеранов участвуют в защите русского населения на территории Средней Азии и Кавказа, наведению порядка, в том числе с помощью оружия. Отмечены факты внесудебных расправ на месте с представителями диаспор и преступниками. Союз ветеранов пользуется значительной поддержкой со стороны местного населения, особенно в южных регионах. Местные полицейские и армейские силы в значительной степени сочувствуют Союзу ветеранов и при обострении обстановки могут перейти на его сторону вместе с боевой техникой.

7.2. Союз казачьих войск – опасная подрывная и террористическая организация, состоящая из ряда боевых организаций, таких, как «Донское казачье войско», «Кубанское казачье войско», «Терское казачье войско», «Уральское казачье войско», «Сибирское

казачье войско», и некоторых других. Опирается на специфическую прослойку жителей России – казаков, вооруженных фермеров-землепашцев, селившихся на границах России и служивших центральным властям, почти полностью уничтоженных большевиками. Примерно во второй половине предыдущего десятилетия в казачьем движении произошел раскол с отделением от него агрессивных националистов, а после событий на Украине почти все казаки вступили во вновь образованные войска.

На сегодняшний день казаки пользуются значительным авторитетом в Российской Федерации как противовес неэффективным и коррумпированным полицейским силам. Основной задачей казаков является борьба с уличной преступностью в городах, к патрулированию привлекаются вооруженные местные жители, за мелкие правонарушения применяется телесное наказание на месте. Однако в среде казачества существуют так называемые «пластунские сотни», занимающиеся террористической деятельностью, в них состоят, как правило, бывшие солдаты и офицеры десантных войск и спецподразделений. Численность казаков в России на 2014 год составляет не менее двухсот пятидесяти тысяч человек, если считать только активных, принятых в казачество казаков, численность пластунских сотен неизвестна, но составляет не менее десяти тысяч активных бойцов. Так же как и Союз ветеранов, казаки имеют не менее пятидесяти лагерей подготовки по всей территории России, проводят

сбор пожертвований, централизованно закупают боевое оружие. Открыто пропагандируется необходимость ведения террористической войны на Украине с нанесением максимального ущерба миротворческим силам.

7.3. Боевые организации украинских и крымских беженцев. Существует не менее десяти организаций, таких как «Армия обороны Луганской области», «Армия обороны Донецкой области», «Смерть бандеровцам», «Крымский общевоинский союз». Единого руководства нет, координация действий осуществляется через Союз ветеранов. Состоят из беженцев и бывших солдат украинских вооруженных сил, совершивших мятеж и перешедших на сторону русских вместе с оружием и боевой техникой. Общая позиция – непримиримая борьба с украинскими силами правопорядка и безопасности террористическими методами, уничтожение так называемых «бандеровцев» – украинцев, проживающих в западных областях Украины, уничтожение поляков, американцев, крымских татар. Общее количество комбатантов составляет от ста до двухсот тысяч человек, уровень подготовки в общей массе значительно ниже, чем у бойцов Союза ветеранов, однако повышается за счет прохождения различных курсов подготовки и переподготовки. Данными организациями выдвинут лозунг поголовного уничтожения американских, польских румынских и украинских сил в Украине «Никто не уйдет!».

8. Несмотря на отсутствие единого руководства, зачастую различие политических и идеологических взглядов, действия указанных выше групп отличаются высокой эффективностью и наносят неприемлемо серьезный уровень вреда силам стабилизации на Украине. Уровень потерь в коалиционных силах в два-три раза выше, а уровень безвозвратных потерь – в три-пять раз выше, чем в Афганистане.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что на сегодняшний день в Российской Федерации имеются значительные силы антиамериканской направленности, не контролируемые властями, имеющие хорошую военную подготовку и пользующиеся поддержкой значительной части населения. Наличие подобных сил, а также планы, вынашиваемые ими, представляют собой значительную угрозу национальной безопасности США, так как в случае их прихода к власти в их руках окажется российский ядерный арсенал, который они могут применить против любой из стран мирового сообщества. Такая ситуация не может быть терпима и должна быть разрешена в течение года.

Возможные варианты разрешения кризисной ситуации в России:

1. Нанесение ограниченного удара по выявленным местам скопления боевиков с применением крылатых ракет и стратегической авиации, с опорой, прежде всего, на аэродромы в Центральной Европе с целью снижения численности и уровня боеготовности

боевиков. Далее – российское правительство своими силами должно взять ситуацию под контроль и устранить угрозу.

Данный план, несмотря на всю его внешнюю простоту и привлекательность, практически неосуществим. Прежде всего – для нанесения удара мы должны будем разместить где-то свою авиацию, причем на авиацию стран Западной Европы мы можем не рассчитывать, их позиция невмешательства и осуждения наших действий давно известна. Мы будем вынуждены перебрасывать на украинские, прибалтийские и центральноевропейские аэродромы значительные силы авиации, обеспечивать дозаправку в воздухе и доставку значительного количества авиационных боеприпасов. При этом – не приходится сомневаться, что в ходе проведения операции аэродромы взлета подвергнутся атакам хорошо подготовленных террористических групп русских, возможны и акты саботажа, совершаемые заранее внедренной агентурой.

Наиболее разумным выходом при других обстоятельствах было бы введение в Черное море двух-трех американских авианосцев, в этом случае на главном операционном направлении удалось бы создать достаточную плотность удара. Но Турция уже продемонстрировала, что в своей политике она не собирается в должной мере учитывать наши интересы, и на нашу просьбу разрешить проход авианосцев через Босфор мы, скорее всего, получим отказ. Не приходится

сомневаться и в том, что движение авианосцев будет своевременно отслежено агентурой русских националистов, после чего они предпримут меры по рассредоточению своих сил, покинут свои лагеря и удар потеряет большую часть своей силы. Как наилучший из возможных вариант – предлагается сосредоточить в Средиземном море все четыре АПЛ класса Огайо, перевооруженные на КР Томагавк, и нанести одновременный массированный удар исключительно ракетным оружием как с АПЛ-носителей, так и ракетами, находящимися на вооружении Шестого флота США.

Однако последствием любого удара такого рода будет свержение слабого и коррумпированного российского правительства и приход к власти военных и крайне агрессивных сил. Применив все неядерные средства, какие у нас есть, мы не сможем критически поразить все известные нам лагеря подготовки боевиков по всей территории России и одновременно расположение всех воинских частей, тайно и явно поддерживающих националистов. Если же к власти в России придут военные – может быть принято любое решение, в том числе и решение о массированном ответном ударе ядерным оружием по территории США. Предотвратить прорыв русских ракет к целям на территории США при массированном залпе возможностей у нас не будет.

2. Нанесение ограниченного удара, прежде всего силами самих русских с одновременным привлечением здоровых сил России на свою сторону. Несмотря на

то, что на сегодняшний день большая часть населения России поддерживает агрессивных националистов – существуют и здоровые силы, пусть и в меньшинстве. Не приходится сомневаться и в том, что большая часть русских поддерживают не агрессивную и реваншистскую политическую доктрину националистов – а их усилия по наведению в стране порядка. Коррумпированное правительство, слабая армия, агрессивная, совершающая безнаказанные противозаконные действия полиция – вот с чем пришлось жить русским более двадцати лет, и поэтому сейчас они воспринимают националистов как символ порядка, законности и стабильности. Если мы хотим уничтожить русский национализм – мы должны доказать, что он представляет собой зло для России и ее народа, и доказать это не на политической трибуне, а доказать самому русскому народу или большей его части. В этом случае мы должны немедленно вступить в переговоры с Правительством России и предпринять меры по его усилению с тем, чтобы оно могло само навести порядок в стране. Частью пакетного соглашения должен быть немедленный прием России в НАТО с возможностью использования войск НАТО для наведения порядка. Мы можем расквартировать одну или две усиленные американские дивизии в центре страны под предлогом переподготовки армии и проведения учений, но все это должно делаться с серьезной PR-поддержкой, а солдаты должны быть категорически

предупреждены о недопустимости насилия в отношении местного населения. Для расквартирования в России целесообразно использовать части, выводимые из Германии, так как большая часть служивших там солдат в той или иной степени знает русский язык (каждый десятый – свободно, это было обязательное требование). Мы должны немедленно начать работу по обеспечению порядка и реформирования армии и полиции, с подготовкой частей, верных правительству и не допускающих противозаконных действий. Мы должны с серьезным личным участием следить за тем, чтобы в крупных городах России не совершалось беззаконий, при этом мы должны осудить действия диаспор и предпринять против них серьезные репрессивные меры. Мы должны обратиться ко всем организациям русских националистов с призывом о сотрудничестве в интересах России, а также дать гарантии того, что на Россию не будет совершено нападение. После чего часть националистов перейдет на нашу сторону, оставшуюся часть будет необходимо дискредитировать, а наиболее агрессивных лидеров – физически уничтожить. Интересы Соединенных Штатов Америки в данном случае будут защищены и обеспечены точно так же, как и во всех странах, где имеется американское военное присутствие.

В качестве обеспечения лояльности российских лидеров на переговорах можно будет сделать намек на то, что счета, на которые они выводят средства, полученные коррупционным путем, нам известны

и могут быть арестованы. Общеизвестно также, что значительная часть детей российской элиты учится и живет на Западе, не отличаясь примерным поведением, – следовательно, она тоже может быть арестована. Таким образом, можно будет обеспечить управляемость российской деловой и политической элитой на будущее.

Директорат разведки —
директор Национальной разведывательной службы
Г. Д. Уинслоу

Ближняя ретроспектива. 11 марта 2010 года Афганистан, окрестности Кабула COIN training center

Когда американцы думают о себе – они думают о будущем.

Когда афганцы думают о себе – они думают о прошлом.

Неизвестный автор

ISAF, силы стабилизации

Март в Афганистане – совершенно мерзкий месяц.

Несмотря на то что Афганистан расположен довольно близко к экватору и теоретически погода тут должна быть, как… в южных штатах США, – на самом деле это не так. Зимой здесь выпадает снег, а разбитые дороги делают передвижение и вовсе невыносимым. Март же – это дикие по силе

ветра: город Кабул расположен в долине, похожей на чашу лотоса, и ветер туда почти не прорывается. Но если прорывается… берегись. И пыль. Афганистан – это пыль, совершенно мерзкая, серая пыль, лежащая везде, ветер поднимает пыльные бури, да такие, что порой не видно пальцев на вытянутой перед собой руке.

Выходец из семьдесят пятого полка рейнджеров майор Роберт К. Джереми в эту «ходку» находился в Афганистане уже больше года и занимал должность senior military adviser, старшего военного советника в организованном НАТО центре COIN – counterinsurgency training center, расположенном недалеко от Кабула и предназначенном для подготовки сил специального назначения афганской армии, способных бороться с повстанческим движением. В прошлую ходку – это были 2002–2003 годы – он отметился по всей стране, мотаясь по самым захолустным уголкам этой забытой Аллахом страны вместе с людьми из «групп активных операций» ЦРУ. Тогда он был еще капралом, носил, как и люди из ЦРУ, окладистую бороду и старый афганский камуфляж, оставшийся в свое время от русских, и никогда не упускал возможность влезть в какую-нибудь заварушку. В те времена у многих было такое впечатление, что война и в самом деле заканчивается – остатки движения Талибан, поиграв в войну с американской армией и потеряв три четверти своих людей, отступили в Пакистан, в зону племен, где их должны были

добить коммандос Мушаррафа[7]. Осама Бен Ладен исчез из страны – потом люди из ЦРУ получили доказательства того, что он скрылся сразу после 9/11, не дожидаясь вторжения, – а одноглазый мулла Омар, лидер Талибана, вместе с двумя сотнями своих людей отступил не через Хайберский проход, как ожидалось, а южнее, пройдя горными тропами на высотах четыре тысячи метров и более и едва не попав под бомбовый удар с Б-52. Нападений на американцев тогда почти не было, правда, и власти в Кабуле как таковой тоже не было, и они в основном мотались с целью выяснить наличие в оставленных местностях остаточных структур Талибана и подготовить размещение частей НАТО в различных районах страны на постоянной основе. Потом срок его пребывания «на войне» подошел к концу – и он поехал обратно в США, чтобы уже через год отправиться военным советником в одну из африканских стран. Потом была Польша, потом Ирак – и вот снова Афганистан. Уже в майорском звании его отправили сюда, потому что ситуация в стране медленно, но верно обострялась. Приехав, он узнал, в чем было дело, почему его отправили в Афганистан так срочно. Человек, которого он должен был сменять, был убит.

Майор Джереми жил, как и все другие военные советники в Кабуле, в городском квартале, постоянно патрулируемом и остававшемся безопасным. Раньше – как говорят – в этих местах жили русские, они-то и оставили после себя целые

---

[7] Генерал Первез Мушарраф – премьер-министр Пакистана на тот период.

кварталы уродливых, похожих один на другой домов-скворечников, где дуло изо всех щелей и где толком не работал водопровод. Американцы немало потрудились над тем, чтобы эти скворечники превратились в более-менее нормальное жилье, – но у них мало что получилось. Больше всего проблем доставляли стыки в стенах и окна – из них тянуло холодом, даже когда их задули строительной пеной, а потом еще сверху проклеили для верности. Русские строили скверно – зимой в этих квартирах было холодно, а летом – душно. Впрочем, майор не слишком-то сетовал на превратности военной судьбы: есть крыша над головой, и хорошо. А что до того, что холодно, – так можно лечь спать в спальном мешке.

Майор проснулся, как и привык, в шесть часов утра, без будильника, просто ровно в шесть открыл глаза. Комната была пустой, в ней ничего не было, кроме армейского спального мешка и груши, приделанной к потолку. И шкафа, потертого и побитого, в котором майор оставлял свое оружие, снаряжение и нехитрый набор одежды. Выскочив из спального мешка, майор привычно сделал несколько упражнений на растяжку, нанес несколько ударов по груше из разных положений и пошел в душ. Горячей воды опять не было, водопровод в столице восстановили, но горячей воды постоянно не было. Впрочем, майору было не привыкать и к холодной…

Завтракать он не стал – позавтракать можно было и в расположении, только выпил три чашки очень крепкого, «армейского» кофе. Потом, привычно нацепив на себя все об-

мундирование и повесив на пояс кобуру с пистолетом, – устремился вниз, где его должны были уже ждать.

В этом доме жили трое офицеров из числа советников в COIN, он сам и двое из десятой горнострелковой дивизии. Поэтому они все трое ездили на службу на одном автомобиле, по очереди садясь за руль. Это был белый гражданский «Шевроле-Тахо», дешевый «фермерский» вариант с бронекапсулой в салоне. Бейтс, здоровенный негр – главный сержант сегодня был за рулем, поскольку была его очередь, Рамирес, капитан из разведки десятой горной, бывший нью-йоркский хулиган, сидел рядом с ним на переднем сиденье. Рамирес, единственный из них, кому суждено сегодня доехать на службу в относительном комфорте. Бейтс за рулем, а у него сегодня очередь быть ганнером – то есть дежурить за пулеметом, который был установлен на прикрепленной к бронекапсуле турели. Можно было, конечно, и не дежурить, но тогда рано или поздно это кончилось бы плохо.

– Ваш горшок там, сэр… – сострил Рамирес, когда майор забрался внутрь. Горшок – так некоторые умники называли каску высокой степени защиты.

Майор надел каску, опустил на глаза солидные, похожие на горнолыжные очки. Потом замотал нижнюю часть лица платком-арафаткой по примеру британцев – чтобы не наглотаться пыли в дороге.

– А твой, как всегда, полон?

Посмеялись – здесь, в этой дыре, любая шутка, даже глу-

пая, была весьма кстати, чтобы не тронуться умом. Майор откинул крышки люка – люк в этой модели «Шевроле» был сделан из брони и не отъезжал назад, а раскрывался двумя створками вправо и влево, образуя какую-то защиту стрелка от обстрела. Это плюс бронещиток пулемета – уже что-то, еще в начале двухтысячных пулеметы просто ставили на крышу, даже без бронещитка, теперь война научила заботиться о личном составе, башенки ганнеров напоминали мини-крепости. Тут ничего такого не было – но и трехсторонняя защита тоже неплохо. Наскоро осмотрев пулемет, майор поддал ногой по сиденью водителя – сигнал «срочное отправление». «Шевроле» двинулся с места…

За время войны – а они воевали здесь уже одиннадцать лет – Кабул изменился, и сильно. Когда они только вошли сюда, это был нищий, пострадавший от бомбежек и варварского талибского правления город, где стирали в реке одежду, а жили в развалинах. Пятнадцать тысяч человек жили в комплексе бывшего совпосольства и представительства КГБ – там было аж две скважины с водой, и одна доставала воду с глубины триста метров, чистейшую, почти родниковую воду, бесценную в этих местах. Когда они входили в Кабул – ни на едином столбе не было ни метра провода, не работал ни телефон, ни водопровод, ни канализация – только мечети, как всегда в джуму[8], собирали аншлаг. Город не ждал их – он просто принял их, как принимал всех завоевателей, про-

[8] Джума – пятница.

шедших через него, принял просто потому, что не было сил его отстаивать. Потом, уже в США, майор прочитал немало книг об истории Афганистана, даже не поленился в библиотеку Конгресса зайти – и понял одну вещь, уловил закономерность. В Афганистане сопротивление завоевателям никогда не начиналось сразу, с того момента, как они входили на афганскую землю. Это поняли еще англичане… восстание началось только через два года после того, как они встали контингентами по всем крупным городам страны и усмирили, привели к покорности местных феодалов… и в конце концов из пятнадцатитысячного контингента через Хайберский проход вышел только один человек. Не сразу начали сопротивляться и Советской армии, вошедшей в Афганистан под новый восьмидесятый год, – только в восемьдесят первом началось уже серьезное, организованное сопротивление с фронтами и зонами ответственности. Единственным, кто быстро вошел в Афганистан и столь же быстро из него вышел, был советский офицер Примаков. В конце двадцатых он вошел с отрядом, чтобы прийти на помощь местной, рушащейся власти, потерял в стычках восемьдесят человек, убил как минимум в десять раз больше – и ушел, потому что в Москве поняли, что задание невыполнимо. На опыте этого офицера майор понял, как надо вести себя в Афганистане – быстро входить, быстро делать свое дело и быстро убираться. Сейчас, в начале нового века, у них есть спецназ, есть боевые и транспортные вертолеты, есть боевые самоле-

ты, способные доставлять ракеты к цели со скоростью две тысячи километров в час и всадить их в цель размером с очко сортира. Однако же советский офицер Примаков вышел из Афганистана за две недели – а они барахтались тут, в пыли, в дерьме, в крови вот уже десятый год подряд. А всего война в Афганистане не прекращалась уже тридцать первый год.

Майор не пытался высказать свои соображения по афганской стратегии кому бы то ни было. Знал, что никто его слушать не будет.

«Шевроле» катился мимо HESCO, массивных коробов с землей и песком, которыми были уставлены обе обочины дороги для улавливания осколков при обстреле. Если бы у него были деньги – он бы основал компанию по производству таких вот мешков, которыми в последнее время было обставлено все: чек-пойнты, здания, стоянки техники, обочины важных дорог. Всего-то – мешок из прочного пластика в два или три слоя с обвязкой из стальной проволоки, соединяемой между собой. Этот мешок наполняется экскаватором – и превращается в отличную, дешевую и прочную баррикаду, пригодную для того, чтобы остановить пулеметную пулю, автомобиль смертника, осколки гранаты – словом, все, что может представлять угрозу жизни американского солдата или контрактора. Он бы просто пошел дальше – наладил выпуск таких же мешков, только меньших по размеру, которыми можно было бы закладывать окна и устраивать баррикады в самом здании. Пошло бы на ура.

На выезде с советнического городка они пристроились к небольшой, всего две машины, Росомаха и Тур – колонне польского контингента с развернутыми польскими бело-красными флагами над каждой машиной. Машины шли с хорошей скоростью, не соблюдая скоростные ограничения, на головной Росомахе на броне, свесив ноги в люк, сидел польский офицер. Старая привычка, еще с ОВД[9] – русские почему-то предпочитали ездить не под броней, а на ней и всех союзников этому научили. Майор немного знал историю и удивлялся: почему, когда здесь были русские, им никто не помогал, у них ведь тоже были союзники, и немало? Он попытался представить, что было бы, если б тяжесть войны вынуждены были бы нести на себе одни американцы, одна их армия, – и не смог…

Колонна теряла скорость, они выезжали на одну из центральных улиц Кабула, там днем и ночью – движение, часто и пробки. Покатились мимо дуканы с выкладывающими, вывешивающими поутру свои богатства дукандорами, дома со следами обстрелов, где-то чернеющие провалами – но обязательно со спутниковыми тарелками, чек-пойнты афганской полиции: синяя форма, бороды, настороженные глаза, бурого цвета пикапы «Форд» малайзийской сборки, пулеметы ПКМ. Майор знал, что каждый десятый – тайный сторонник Талибана, или Ислам-е-иттихад, или Аль-Каиды и доверять им ни в чем не следует. Военных почти не было, только ря-

---

[9] ОВД – Организация Варшавского Договора.

дом с гражданскими учреждениями нет-нет да и увидишь бронемашину с буквами «ISAF» на броне и национальным флажком на антенне.

Господи… как мы можем их победить, если у нас даже флага нет.

Поляки свернули куда-то в сторону, они катились по просыпающемуся Кабулу, их никто не останавливал. У президентского дворца они проехали мимо американской охраны – XE security бывшая Blackwater. Даже в такое раннее время они стояли на часах – здоровенный «Форд Икскершн», которых в США и встретить-то почти невозможно, огромный люк и турель с пулеметом ПКМ, статик-гарды у машины – все как на подбор рослые, в темных очках, светло-бурая форма с черными бронежилетами и обвесом, пистолеты в набедренной кобуре, «навороченные» автоматы Калашникова, непрекращающийся поворот головы влево-вправо, влево-вправо. Если бы кто-то спросил мнения майора – он бы сказал, что с частными контракторами они дали маху, выпустили джинна из бутылки, которого потом не загнать назад. Контракторы обходились государству примерно в четыре раза дороже (исследование по заказу Конгресса), чем обычные солдаты, у них была скверная дисциплина, они постоянно во что-то влипали и обладали не такой высокой боевой устойчивостью, как про них говорили, – самому раз пришлось останавливать драпающих с позиций контракторов, то ли румын, то ли венгров, когда на них навалились всерьез.

Зато, как говорили некоторые сенаторы, контракторы хороши тем, что деньги на них ты тратишь только в военное время, а в мирное их не нужно содержать, как нужно содержать обычную армию. Наивные… Не только предложение рождает спрос, но и спрос рождает предложение. Если частные конторы будут кровно заинтересованы в войне – она никогда не прекратится.

Контрактор, если сравнивать его с солдатом, – та же проститутка по сравнению с женой. С женой ты живешь в одной семье, отдаешь ей получку, делишь все радости и беды, но это твоя семья, она всегда останется с тобой, в горе и в радости, и не предаст – по крайней мере, именно в этом клянутся перед алтарем. Проститутке нужны только деньги, у проститутки не болит голова, и не надо думать, что ей подарить на день рождения. Вот только можно от проститутки подхватить СПИД, лишиться кошелька, а то и самой жизни.

И поэтому майор никак не попытался поприветствовать своих земляков – тем более неизвестно, были ли это его земляки, в стремлении сэкономить ЧВК[10] кого только не вербовали, – а «земляки» показали вслед фигуру из трех пальцев.

Чуть задержались на выезде из города – там теперь построили стационарные сканеры, вроде бы как засекающие взрывчатку прямо в машине, во время ее хода. Только максимальная скорость при этом должна была быть пять миль в час – и потому теперь на каждой ведущей в Кабул дороге

---

[10] ЧВК – частные военные компании.

почти в любое время суток были пробки.

Здание COIN, центра обучения противоповстанческим операциям, было двухэтажным, на вид новым, обложенным вездесущими контейнерами HESCO, с казармами, плацем и идущими далее полосами препятствий и стрельбищем. Если бы на это здание взглянул советский офицер, он удивился бы и сказал, что оно очень напоминает ему старый советский военный городок. В сущности, это не было бы ошибкой – и здание, и военный городок строили русские во время их бесславного восьмилетнего пребывания здесь. Когда сюда пришли американцы, то они нашли загаженный, заброшенный, обгоревший военный городок без единого целого стекла. Но стены, плац, какие-никакие учебные зоны были, осталось только подтянуть коммуникации, провести ремонт, сделать большую, выложенную плитами стоянку для автотранспорта (русские почему-то мало этому уделяют внимания) – и тренировочный центр готов. Когда сворачивали – только тогда майор вспомнил, что у него сегодня по плану полевой выход. И выругался в голос.

На чек-пойнте их остановили – техники им не выделили, поэтому курсанты восстановили два старых советских броневика БТР-70 и пользовались ими, их крупнокалиберный пулемет – серьезная штука, в два раза мощнее старого доброго ма-деуса. Майор ехал ганнером и поэтому мог оценить правильность и слаженность действий дежурной группы –

пулемет смотрит прямо на остановившуюся машину, еще один пулеметчик страхует с крыши бетонного здания чекпойнта, сам прикрываясь затащенными туда краном контейнерами с песком и противогранатной сеткой, досматривает только один, еще двое страхуют. В свое время ему пришлось помучиться с афганцами – узнав знакомую машину, они просто поднимали шлагбаум и удивлялись на следовавшую в ответ ругань. Как же можно не пропустить амера[11] – ведь амер едет. Сейчас его аскеры[12] действовали правильно и с проверкой, и со страховкой. Машина может быть захвачена, может быть угнана и напичкана взрывчаткой, наконец, это может быть похожая машина. У них были даже отработаны условные сигналы и слова, говорящие об опасности. Доступ на территорию центра преграждал шлагбаум – массивный и откатывающийся в сторону, а не поднимающийся.

Пройдя контроль, они встали на отведенное им место на стоянке, заглушили мотор, майор полез вниз, не убирая пулеметную турель. В Афганистан пришла весна – непривычно студеная, сухая с ветром, но все-таки весна.

– Какие планы на сегодня?

Бейтс пожал плечами.

– Собираюсь как следует погонять вторую группу на высадке. Они плохо пользуются тросами, гораздо хуже, чем я

---

[11] Амер – начальник.

[12] Аскеры *(пушту)* – хорошие опытные, идейные солдаты. Сорбоз – это тоже солдат, но солдат призывной и воюющий из-под палки.

ожидал.

– А с моими отработаем зачистку, – сказал Рамирес.

– Значит, ты, Рамирес, за старшего. У меня индия ромео[13], и меня не будет еще как минимум день. Обратите внимание на взаимодействие с бронетехникой – часть групп совсем не умеет взаимодействовать, часть придерживается старых, советских навыков. Это недопустимо. Наведение авиации пока не отрабатывайте, добейтесь сначала нормальной работы с броней. Потом будет проще. Приеду – примем промежуточный зачет по всем группам и приступим к авиационной компоненте.

– Да, сэр.

Экспресс-совещание закончилось.

Как и полагается, во время отсутствия военных советников в казармах был дежурный офицер, им был пуштун по имени Кхазан, дежурный офицер не назначался каждый раз новый, его обязанности исполняли два-три человека по очереди – а то и вовсе только один. Майору вообще повезло, что на этом курсе он нашел Кхазана, жилистого и крепкого воина, чей возраст приближался к сорока годам. Он успел послужить в армии того Афганистана, который строили здесь русские. Про них говорить можно всякое, но, несомненно, было одно: армию они здесь построили и государство – тоже построили. Американские инструкторы – военные советники уже давно отказались от всяческих иллюзий и старались

---

[13] Индия ромео – intelligence and Recon patrol, разведывательный патруль.

находить среди того мутного, привыкшего к анархии сброда, который приходил к ним на обучение, выделять курсантов с опытом *той* армии, пусть даже с солдатским, – и выдвигать их наверх, делая офицерами. Потому что гораздо проще работать с человеком, который имеет представление о порядке, дисциплине, чем с бывшим боевиком. И гораздо проще из солдата настоящей армии, пусть и бывшего, сделать офицера, чем делать офицера из боевика.

Увидев майора Джереми, своего непосредственного начальника на время курсов, Кхазан, как это было принято в Советской армии, выбежал на плац, стал по стойке «смирно», принялся докладывать.

– Здравия желаю, господин майор, сэр! За время моего дежурства чрезвычайных происшествий не произошло, личный состав принимает пищу, – доложил сержант Кхазан.

– Вольно, сержант. Благодарю за службу.

– Спасибо, сэр!

Майор взглянул на часы.

– Через десять минут все должны стоять на плацу.

– Так точно, сэр!

На построение ушло больше времени – минут пятнадцать, – но на то и афганская армия, на Востоке вообще не принято торопиться. Вторая учебная группа – верней, две группы, по двенадцать человек в каждой, которые ведет один майор Джереми. В одной старший – сержант Кхазан, в дру-

гой – целый майор по имени Расул Ирмат, он из подразделений Достума, этнический узбек. Русских, которые перед самым выходом готовили их, он не застал, но Достум сам был генералом, потому толк в дисциплине знал, и дисциплина у него в частях сохранилась и после ухода русских. Расул Ирмат после окончания школы коммандос должен был быть направлен в США, в Форт Брэгг, где закончить уже продвинутые курсы, а потом вернуться сюда и создавать специальный антиповстанческий отряд из этнических узбеков. Когда они, американцы, вошли в Афганистан – они ничего толком не знали и пытались создавать и армию, и полицию, и органы власти, балансируя в них этнический состав, чтобы там были и пуштуны, и узбеки, и хазарейцы, и туркмены. А потом долго мучились с небоеспособными отрядами, где таджик ни за что не соглашался подчиняться пуштуну, а пуштун – хазарейцу. Корни многих проблем были заложены именно тогда: войска Северного альянса, которые были их союзниками и которых они привели к власти, состояли в основном из представителей этнических меньшинств – узбеков, таджиков, туркменов, хазарейцев. А вот отряды Талибана состояли в основном из этнических пуштунов – и не все воевали за религию. В итоге, когда в Кабуле формировалась новая власть, пуштунов в ней почти не оказалось, их и не могло в ней оказаться, потому что это значило бы привести во власть талибов, с которыми они только что воевали. Потом новая кабульская власть начала назначать губернаторов провинций

– естественно, из числа своих, в том числе и в провинции, где пуштуны составляли абсолютное большинство. Губернаторы начали притеснять своих новых подданных и облагать их поборами, потому как в Афганистане власть нужна именно для этого, здесь нет никакой демократии и, наверное, никогда не будет. А пуштуны, в свою очередь, – племя за племенем отказались признавать новую власть, как захватническую и несправедливую. И вот именно в этот момент и был упущен единственный шанс закончить афганскую кампанию быстро и победоносно, потому что на тот момент талибы потерпели явное и сокрушительное поражение – а племена в Афганистане уважают силу и никогда не пойдут за теми, кто только что был вынужден бежать из страны. Но потребовалось всего несколько месяцев новой власти, ее притеснений и бардака, ее наркоторговли, чтобы пуштунские племена начали восставать одно за другим. Тут же появились и старые знакомые – переформировавшиеся в Пакистане талибы…

Группа стояла двумя плотными каре, в каждой – по два пулеметчика и по два снайпера. Гранатометчиков отдельно не выделялось, при необходимости на операции брали одноразовые реактивные гранаты, пользоваться которыми должен был уметь любой солдат – коммандос. Снайперы были вооружены СВД, пулеметчики – новенькими M240G, которые пришли в подразделение взамен старых с давно расстрелянными стволами ПКМ, – и не сказать, что пулеметчики были этому рады, потому как новый пулемет был тяжелее ед-

ва ли не в полтора раза. У остальных – Colt M4A1 SOPMOD, здесь Пентагон не поскупился, выделяя деньги в рамках программы содействия дружественным армиям. В афганской армии основным был все-таки автомат Калашникова, которых здесь осталось полно еще с советских времен, – а вот коммандос были вооружены по стандартам NATO, потому что им постоянно приходилось взаимодействовать с тактическими группами НАТО в боевых условиях. M4 не так плоха, как говорят… если ее вовремя чистить.

Майор, впрочем, при первой возможности получил Мк16[14] на замену своей M4.

– Ас салям алейкум! – поздоровался с курсантами на дари майор.

– Ва алейкум ас салям! – пронеслось по строю.

– Командирам групп – доклад!

Двое командиров подбежали к майору, вытянулись по стойке смирно.

– Господин майор, группа два-один построена, двенадцать бойцов, выбывших нет!

– Господин майор, группа два-два построена, двенадцать бойцов, выбывших нет!

– Распорядок дня на сегодня. Вечером, в семнадцать ноль-ноль, собраться на вертолетной площадке, получить боевые патроны, паек на три дня. Отрабатываем учебный разведывательный выход! Через двадцать минут – группам прибыть

---

[14] FN SCAR 5,56.

на полигон номер три, сдать на склад холодное оружие, боевые патроны, получить лазерные имитаторы стрельбы. Время пошло!

Полигон номер три представлял собой учебную деревню, расположенную в двух километрах от центра. До полигона курсанты бежали в полном обмундировании – а майор ехал. Но ехал он не просто так – он ехал на «Хаммере», стоя за пулеметом и прикрывая их. Чтобы быть уверенным в том, что на полигоне не будет несчастных случаев, он приказал сдать все патроны на склад. Холодное оружие тоже, потому что, когда он только начинал – сам был свидетелем, как во время разбора учебного задания один из афганцев набросился на другого с ножом. Такие афганцы – они не терпят проигрывать, даже на учебном полигоне, во время учебной миссии. А прикрытие нужно для того, что, если муджи[15] узнают о том, что чуть ли не целая рота выдвигается к месту обучения без единого патрона, будет беда. По этой же причине – в багажнике «Хаммера» было два цинка с боевыми патронами. В Афганистане ни в чем нельзя было быть уверенными.

На учебном комплексе майор поделил своих подчиненных на две учебные группы, одной из которых поручил защищать строения, второй – нападать на них с разных сторон и с разным тактическим построением. Для начала он изъял из группы защитников снайперов, а из группы атаку-

[15] Муджи – моджахеды.

ющих – пулеметчиков, чтобы атакующие вынуждены были наступать, не имея прикрытия в виде пулеметного огня. Потом майор взял из группы атакующих двух бойцов и придал их обороняющимся, чтобы отработать тактику приближения к объекту и штурма обороняемого превосходящими силами противника. В обоих случаях основную роль сыграли снайперы, два снайпера с СВД привели к молчанию пулеметные расчеты, и только потом начиналось продвижение вперед. Проблема была вот в чем: для СВД не было глушителей. Он посылал заявку на SR-25 в полной комплектации – но ее раз за разом не удовлетворяли, возможно, опасаясь, что столь опасное оружие может пополнить арсеналы муджей. Пришлось пойти на хитрость: снайперы имели двойной комплект вооружения. Вместо СВД при необходимости тихой и чистой работы они брали M16A3 с глушителями и оптическими прицелами от наборов SOPMOD. А такой работы – тихой и чистой – ночью предстояло изрядно…

– Кишлак Саламхейль – это совсем недалеко отсюда, почти на границе провинции Лагман. Местность горная, но дорога нами восстановлена и проверена. Проходима для легкой бронетехники. Местность горная, кишлак стоит на отшибе. В самый раз для учебного задания, сэр.

Майор Джереми недоверчиво смотрел на офицера, щуплого, в очках, со знаками различия капитана армии США

и принадлежащего к сектору HUMINT[16] отдела G2 – армии США. Нагрудная табличка на форме извещала всех желающих, что перед ними капитан Таккер.

– То есть вы хотите сказать, что муджей там нет?

– Предположительно – нет, сэр.

– Что значит – предположительно?

Капитан улыбнулся.

– Вы служите в этой стране не меньше моего, майор.

– Тогда почему нас туда посылают? Не просто же – прогуляться по горам.

Капитан замялся, подбирая слова:

– В этом районе отмечена странная активность, сэр.

– То есть?

– Сэр, по данным агентурной разведки, там не раз видели странных людей.

– Муджей?

– Никак нет, сэр. Без оружия.

– Тогда что они там делали, черт побери?

– Не могу знать, сэр. На муджей непохожи.

Майор бесцеремонно повернул ноутбук капитана экраном к себе, какое-то время разглядывал трехмерную карту, то приближая, то удаляя отдельные участки.

– Кишлак на отшибе…

– Так точно, сэр.

---

[16] Сектор HUMINT отдела G2 – сектор агентурной разведки военной разведки армии США.

– Чем там живут?

Капитан вежливо улыбнулся, майор с ним ни разу не работал и почему-то доверия к нему не чувствовал.

– В смысле, сэр?

– В прямом, Таккер, в прямом. Вот я – майор армии США и этим зарабатываю на жизнь, тренируя хороших парней убивать плохих парней. Ваш бизнес – это узнавать то, что знать нам, американцам, – не положено. Что за бизнес у жителей этого кишлака? Чем они живут?

– Вероятно, коврами, сэр…

– И все?

– Ну… возможно, еще и коноплей. Там ее немало, впрочем, как и везде.

Майор скептически хмыкнул. Именно потому, что ее везде немало, – в Афганистане не проживешь коноплей. Вышел в горы – и рви.

– Они контактируют с группой по реконструкции?[17]

– Да, сэр.

– Чем планируют заниматься?

– Взяли кредит на закупку скота.

Майор еще раз скептически посмотрел на карту. Лично он бы этот кредит не выдал – местность совсем не располагала

---

[17] Группа по реконструкции, reconstruction team – специальное подразделение, созданное на основе строительных частей армии США, так называемых «пчел», с наличием боевого элемента и гражданского персонала. Занимаются восстановлением дорог, строительством, восстановлением и поддержкой местных органов власти. В общем, пытаются построить нечто наподобие нормального государства.

к занятиям скотоводством.

– Когда последний раз там были наземные силы? Я имею в виду наши, а не афганские.

Капитан пододвинул ноутбук к себе, защелкал клавишами, запрашивая нужную информацию. Современная война была хороша тем, что нужную информацию можно было раздобыть практически мгновенно. Вопрос в том, истинной она была или ложной.

– Семь месяцев назад, сэр. Точнее, семь месяцев и девятнадцать дней. Отчет нулевой.

– А когда там последний раз проходил Предатор?

Снова бешеное allegro по клавиатуре.

– Семь дней назад, сэр. Ровно неделя.

– Результат?

– Нулевой, сэр. Все чисто.

Майор задумался. Дело было не в том, что он опасался встретить там моджахедов. Скорее, наоборот, – он рассчитывал, что отдел HUMINT даст ему именно такой район, где велика вероятность встречи с муджами. Они так и пойдут – две группы по двенадцать человек в каждой плюс он сам – двадцать пять. Все его курсанты раньше служили в ANA или ANP[18], неплохо там себя проявили и выразили желание пройти курсы усиленной противоповстанческой подготовки. Каждый из них перед тем, как быть зачисленным на кур-

[18] ANA, ANP – соответственно Афганская национальная армия и Афганская национальная полиция.

сы, выдержал вступительное испытание. У них будет четыре ротных пулемета и четыре снайперские винтовки на группу, а он сам – опытный рейнджер, прошедший курс горнострелковой подготовки и готовый к любым боевым ситуациям. Что бы ни случилось – они смогут не то что продержаться до утра, они смогут выйти пешком в кабульскую зону прикрытия при необходимости.

Тогда – что же здесь не так?

– Что здесь не так? – задал вопрос майор Джереми.

– Сэр?

– Я просил достаточно серьезное задание. Вместо этого вы забрасываете меня в район, где есть лишь один кишлак. Причем кишлак, где не отмечено серьезной повстанческой активности. Таккер, если вы что-то скрываете, – самое время сказать об этом.

Два офицера встретились взглядами. Глаза капитана были спокойны и чисты.

– Сэр, мне просто надо проверить эту точку. Я тоже вынужден заполнять отчеты, и по этой активности мне нужно дать ответ командованию сектором. Только и всего.

Вертолет МН-47 командования специальных операций – черная, с двумя винтами и четырьмя скорострельными пулеметами гробина, способная летать в кромешной тьме, забрала их прямо с плаца, благо места для посадки тут было

достаточно, а сам плац дважды в день подметали, и ППП[19] здесь точно не грозило.

Вертолет приземлился, не глуша двигателей, огромные винты рвали воздух, заставляя пригибаться. Из откинувшейся аппарели выскочил техник в привычной серой летной форме, привычно пригибаясь, подбежал к ним.

– Сэр, вы майор Роберт Джереми? – громко спросил он, перекрикивая шум моторов.

– Так точно.

– Техник-сержант Лиу. Нам приказано вас забрать. Сколько вас?

– Двадцать пять человек со скарбом.

– Принято. Давайте в вертолет! У нас еще одна ходка на сегодня!

Вертолеты, как всегда, трудятся на износ.

Майор повернулся к своим курсантам, молча показал один палец, махнул рукой в сторону вертолета. Под присмотром сержанта-техника курсанты, в колонну по одному, стали грузиться в вертолет. Трое офицеров армии США остались наблюдать за этим на площадке для торжественных построений.

– Чарли-Янки-Альфа, – сказал Рамирес фразу, которая была понятна только офицерам, здесь отслужившим.

Чарли-Янки-Альфа. Cover your ass, прикрываю твою пя-

---

[19] ППП – попадание посторонних предметов. Может привести к летному происшествию при попадании в турбину вертолета или самолета.

тую точку. Не доверяй никому здесь, кроме самых близких, сам делай все, чтобы прикрыть друг друга. В эту ночь и Бейтс, и Рамирес не поедут отдыхать на свои квартиры, они останутся здесь. И посадят человека «на эфир». У них здесь – больше ста человек, подготовленных. Есть техника – «Хаммеры» и МРАП. Если они услышат условный сигнал, означающий, что дела пошли хреново, они выдвинутся на помощь, даже если командование запретит им это делать. Потому что, если гибнут свои – насрать на приказы, все они были солдатами одной армии и должны были помогать друг другу.

– Да, Чарли-Янки-Альфа.

– Удачи.

Вместо ответа майор кивнул, поднял свой вещмешок, к которому сбоку было приторочено его оружие, и побежал к вертолету.

Полет и вправду был коротким – над нужным склоном машина зависла уже через пятнадцать минут лёта. Склон как склон, камни, бурая земля, пыль. Постоянное ощущение опасности – в горах оно усиливается. Здесь было не так жарко и сухо, как в других районах Эй-стана, поэтому тут росли не только кустарники, но и целые деревья.

– Пошли, пошли, пошли!

Его солдаты, которых он тренировал и с которыми теперь шел охотиться на людей, прыгали в темноту, разбегались, залегали. Сейчас вряд ли будут обстреливать, муслимы хоро-

шо знают, что такое «миниган», нахлебались уже – а тут их целых два. А вот потом… Если высадку засекут, то пойдут следом, и хвост будет уже не стряхнуть.

Последним выскочил майор, техник-выпускающий, дружески хлопнул его по плечу напоследок – удачи на земле, братишка.

Впереди было два дня пути.

– Отель-Квебек-три, прошу повторить.

Вместо голоса дежурного после заминки послышался голос подполковника Сета, командующего сектором.

– Бульдог-четыре, это Гражданин, как слышишь меня?

– Гражданин, это Бульдог-четыре, принимаю громко и отчетливо.

– Бульдог-четыре, у нас есть работа для вас. Только что Корпус гражданской реконструкции сообщил, что наблюдал передвижение крупной группы танго в вашем районе, это район кишлака Саламхейль, координаты Экс-рэй, Виктор, Чарли, Танго, Сьерра, Танго, Ромео, Фокстрот, Браво. Прошу сообщить свое местонахождение и возможность достичь кишлака максимум за девять-ноль – майк, прием.

– Гражданин, мы в четырех кликах западнее от указанной точки, поднимаемся по склону, контакта с противником нет. К указанной точке можем прибыть через пять-ноль – майк, как понял, Гражданин, прием.

– Гражданин, вас понял. Приказываю выдвигаться к ука-

занным координатам немедленно, по прибытии скрытно занять позиции для наблюдения не менее чем в клике от точки, выдвижение вперед только по команде, огонь только в ответ, как понял, прием.

– Бульдог четыре, вас понял, выдвигаюсь. Конец связи!

Майор очертил круг в воздухе – общий сбор личного состава.

– Примерно в четырех кликах на восток от нас в кишлак вошли муслимы и грабят его, это информация от Корпуса реконструкции. Как насчет того, чтобы сходить и посмотреть на все это?

– Сэр, мы будем на это только смотреть? – спросил осторожный Рамзат-хан.

– Пока приказ командования выяснить обстановку на месте, и точка. Дальше будет понятно – действительно ли кишлак занят силами противника или просто произошла ошибка. Итак, выдвигаемся. Мне нужно будет три человека из тех, кто тихо ходит по горам и метко стреляет.

– Сэр? – недоуменно спросил майор. – Разве мы не выполняем это задание все вместе?

– Нет, майор, все вместе мы это задание не выполняем. Делимся на три группы, одну возглавляешь ты, вторую сержант. Вперед идем мы, ты отстаешь от нас на полклика и идешь на левом фланге от нас, сержант на правом. Стрелять только в ответ. После того как мы займем позиции для наблюдения и оценим обстановку, действовать согласно полу-

ченным приказам, до этого – только наблюдать за обстановкой. Приказ ясен?

– Так точно, сэр.

– Аллах с нами!

Наиболее умные офицеры из советнического и боевого контингента учили пушту, дари, разговаривали с местными, узнавали их обычаи и традиции, старались соблюдать их. Понимали, что застряли надолго, и демократии здесь не будет. По крайней мере, не в этой жизни.

Когда три человека приблизились к нему, майор осмотрел их. Среди них был Вадаан, молодой и фанатичный боец, желающий сражаться и убивать пуштунов. Его ненависть к ним объяснялась просто: сестра заговорила с американцами и продала им продукты, и за это ей отрезали нос и уши. Война в Афганистане шла со все возрастающей жестокостью.

– Ты, Вадаан, будешь нашим разведчиком. Надень шахаду. Что делать, знаешь, не светись, если встретишь противника, действуй понаглее.

– Слушаюсь, амир. – Вадаан начал повязывать голову шахадой, черным платком с изречением, призывающим к священной войне с неверными.

– Остальные за мной. Ты – десять метров вправо, ты – влево. Идем тихо, без команды не стрелять. Равнение держите по мне.

Вадаан растворился во тьме.

Они снова встретились, когда прошли примерно два клика, шли довольно быстрым шагом, быстрее, наверное, чем стоило бы, но не бегом. Услышав условный звук – микрофонами афганцы не пользовались, предпочитали извещать друг друга по старинке, – майор поднял руку, затем осторожно двинулся вперед.

Вадаан лежал на земле, майор присел рядом на колено.

– Что ты увидел, Вадаан?

– Амир, в селении талибы. Вот, смотри!

Вадаан протянул ему что-то большое, он взял это, с недоумением ощупал. Что за чертовщина, что это?

Не сразу, но он понял. Снайперская винтовка, очень редкая, иностранного производства, он такие где-то видел. Прикрыв оружие собой, чтобы не было видно, он включил фонарик с красным светофильтром в приборе ночного видения, прочитал надпись на ствольной коробке.

Blaser. Germany.

– Где ты это взял, солдат?

Вадаан пожал плечами.

– Там был наблюдательный пункт. Два человека. Там еще и пулемет, но я не смог его дотащить, просто разрядил его.

Черт!

– А муслимы?

– Я их убил, амир. Не беспокойтесь, никто не слышал, как я это сделал.

Если муслимы проводят периодическую перекличку по-

стов – не исключено, что операция уже провалена. Но майор Джереми никогда ни с кем не разбирался, никого не ругал в поле, во время полевого выхода. Пуштуны, да и вообще все афганцы, чрезвычайно чувствительны и самолюбивы, да и вообще неправильно затевать какие бы то ни было разборки в поле, во время полевого выхода.

Майор снова описал указательным пальцем круг над правым плечом, остальные члены его маленького патруля моментально оказались рядом. Право, могли бы это сделать и потише, но… настоящий спецназовец получается только с боевым опытом, чему-то не обучишься ни в какой школе.

– Молнией – идете к двум группам и выдвигаетесь к кишлаку, занимаете исходные позиции. До команды не стрелять! Ты, Вадаан, идешь следом за мной!

Кишлак Саламхейль находился на склоне горы, а они заходили сверху и потому имели значительное преимущество. Сверху кишлак хорошо просматривался, а частично – и простреливался…

Майор, ведомый афганским солдатом, плюхнулся за камни, потянул носом, сразу почувствовал знакомый букет ароматов. Медный запах крови и травяной – конопли. Похоже, те, кто встал на пост, решили дернуть с устатка косяк, возможно, даже заснули – и уже не проснулись.

Ночной прицел, установленный на FN SCAR-16 с самым длинным стволом и глушителем, давал отличную картину –

майор сразу заметил духов на окраине, они находились у последнего дувала, в тени какого-то дерева. Дальше шел еще один дом с дувалом, но он был кем-то разрушен. Дальше… дальше еще хаджи… машина, да, автомобиль, японский пикап, гражданский, потом еще один пикап, тоже японский… Еще хаджи… уже дальше в селе. Окна в некоторых домах закрыты ставнями, но наружу просачивается свет. Выстрелов не слышно, вообще незаметно, чтобы деревню кто-то грабил.

Но и на мирняк эти вооруженные автоматами и РПГ люди были не похожи.

Майор увидел, как обе группы осторожно спускаются по склону, охватывая село с флангов. Самое главное – не выпустить их, не дать прорваться в горы.

– Бульдог-четыре, вызываю Отель-Квебек-три, Бульдог-четыре, вызываю Отель-Квебек-три, прием.

В рации был какой-то шум, что было непривычно. Голос штабного дежурного был слышен очень плохо.

– Отель-Квекбек-три на приеме, принимаю с помехами, в повторе не нуждаюсь.

– Отель-Квебек-три, подтверждаю наличие противника по координатам Экс-рэй, Виктор, Чарли, Танго, Сьерра, Танго, Ромео, Фокстрот, Браво. Две мобильные единицы, не вооружены, наблюдаю один-один танго, как понял?

– Вас понял, один-один танго, две мобильные единицы не вооружены, Бульдог-четыре, продолжайте.

– Отель-Квебек-три, занимаем исходные, это не похоже

на грабеж населения, это похоже на тайную…

Майор не успел договорить – он увидел, как открывают двери и из одного из дворов на улицу выруливает внедорожник. Перевел прицел – и увидел, что по главной и единственной улице небольшого поселка с оружием в руках бегут муслимы.

– Отель-Квебек-три, мы обнаружены, принял решение блокировать вооруженную группу в поселке…

Машина уже вырулила на дорогу…

– Бульдог – всем! Остановить транспортное средство, не допустить прорыва из населенного пункта! Приготовиться к бою!

Машина катилась прямо на позиции, спешно занятые группой сержанта Кхазана. Но никаких мер тот предпринять не успел – прямо рядом с майором, так неожиданно, что тот чуть не подпрыгнул из лежачего положения, ударил трофейный талибский пулемет, несмотря на то что до движущейся и с каждой секундой набирающей ход машины было не меньше полуклика, первые же светлячки трассеров воткнулись в машину, та завиляла по дороге, начала сбавлять ход…

Майор успел выстрелить и увидел, как один из бегущих по улице танго[20] споткнулся на полном ходу и упал, остальные бросились к ближайшему дувалу.

---

[20] Танго – от слова «террорист» первая буква, общепринято в американских контртеррористических силах. Сейчас танго означает еще и талиб, это слово тоже начинается с буквы «Т».

Потом занялись ими…

Из-за одного из дувалов прямо по группе Хана, находящейся хоть и выше, но, считай, на открытом горном склоне, ударил крупнокалиберный пулемет, его трассирующие пули, огромные, как футбольные мячи, летели, подобно шаровым молниям. Потом еще одна пуля ударила совсем рядом, майор быстро сменил позицию, и пуля тут же ударила там, где он только что был, – секунда задержки, и он был бы мертв.

– Бульдог, они видят нас! Огонь на поражение по всем танго, опасайтесь снайперов.

Он перекатился обратно за небольшой валун, так, чтобы иметь хоть какую-то защиту. Рядом у пулемета лежал Вадаан, лежал на животе и не шевелился. Понятно…

Пользуясь возможностью, майор подтащил к себе пулемет с опростанной наполовину лентой, и тут же по камню щелкнула пуля.

Майор достал из разгрузки гранату, сорвал кольцо, аккуратно пихнул ее влево. Граната зашипела, и из нее повалил дым, густой и плотный, он даже сбивал с толку приборы – термовизоры, правда, только на больших расстояниях, потому что там, в дыму, были какие-то частицы вроде хлопьев.

Теперь быстро!

Когда дымовое облако накрыло валун, его и убитого Вадаана, он поменялся с Вадааном местами – его затащил за валун, а сам лег там, где лежал он. Там было сыро и отвратительно пахло, каменистая земля не успела впитать в се-

бя пролитую кровь. Слишком много ее уже было пролито, и один Аллах знал, сколько еще предстоит пролить. Тело Вадаана он не положил, а аккуратно прислонил к валуну.

Секунды тащились, как машины в пробке где-нибудь на выезде из Нью-Йорка, все зависело от того, поверит снайпер или нет. Он играл в открытую, расчет был исключительно на то, что идущий внизу бой, усиливающийся обстрел кишлака не позволит снайперу сосредоточиться на цели, на противоборстве. Внизу уже бухали разрывы осколочных гранат РПГ, которые были что у той, что у другой стороны.

Выждав, майор толкнул ногой тело Вадаана, так что оно вывалилось по ту сторону валуна, досчитал до двух, взял на прицел кишлак, мысленно сосредотачиваясь. Выстрел – почти неслышный в грохоте боя, – но он его услышал и увидел искру, мимолетный проблеск внизу, в тени дувала, в перекрестье огненных струй. По этой искре он и пустил очередь, короткую, но точную, а через секунду, придержав винтовку, – еще одну. Потом на всякий случай перекатился, но ответного огня не последовало.

В поселке творился сущий хаос, один танго лежал на дороге там, где он его подстрелил, еще один распластался рядом – возможно, пытался спасти товарища, оттащить его за дувал. Там, откуда работал пулемет, из-за дувала, вырывались пламя, искры – неслабо горела машина, рвался боезапас. Внедорожник, пытавшийся скрыться, стоял на обочине дороги, как бы ни была в Афганистане иллюзорна грани-

ца между обочиной и дорогой, он наклонился набок, потому что оба колеса с левой стороны были прострелены, передняя дверь была открыта, и оттуда свешивался на дорогу труп. Сопротивление в деревне еще было, но гранатометы уже не применялись, уцелевшие были загнаны за дувалы, откуда тупо выбивались подствольниками. Взрывы сорокамиллиметровых гранат в ночи выглядели как хлопки новогодних хлопушек, группа сержанта Кхазана уже прорвалась в кишлак, прикрывая друг друга, они перебегали от укрытия к укрытию, включив лазерные прицелы, и яркие лучи полосовали темное небо, подобно световым мечам. Можно было бы сказать, что все это дерьмо похоже на дискотеку, если бы не пулемет, который они прохлопали в самом начале. Не может быть, чтобы в группе майора Хана не было погибших.

И тут майор увидел двоих. Увидел он их случайно, просто неудачно пошевелился и сбил прицел. Они каким-то образом миновали группу сержанта Кхазана и уходили на юг, вниз по склону, они бежали, пригнувшись, и у каждого из них было оружие. Но самое главное – они что-то тащили, бежали рядом друг с другом и тащили что-то, похожее на огромный баул, такой большой, что один тащил за одну ручку, а другой за другую.

Майор принял позицию «сидя», упер локти об колени. Лазерный прицел показал дистанцию до этих мужиков, которые вот-вот должны были скрыться, – семьсот восемьдесят метров, увеличивается. Из его винтовки, да еще и с глу-

шителем, – уже не достать, несмотря на патрон SOST, или, как его называли моряки, Мк. 318 mod0. Какой-то умник из Пентагона сказал журналистам, что этот патрон равноценен 7.62*51 NATO – вот его бы сюда, этого умного.

Трофей!!!

Германскую винтовку он нашел совсем рядом, она бесхозно лежала в пыли. Винтовка была тяжелой, с длинным стволом и ортопедическим прикладом, в руку она легла непривычно, но удобно, щека приклада подперла голову. Прицел был обычным, дневным, и он был вынужден целиться через монокуляр на каске, видно было предельно хреново – но бегущих мужиков он видел. До них уже был как минимум километр.

Палец потянул спуск.

Спуск был непривычно легким, он «оборвался» почти сразу, винтовка лягнулась в плечо, громко бухнула – он не знал, под какой патрон винтовка, но явно не меньше 300 WinMag. В прицел было еле видно, как пуля ударила в землю, выбив из нее фонтан.

Ниже и левее. Хорошо хоть не выше, тогда бы пуля просто улетела незнамо куда.

Не трогая маховики прицела, а просто взяв поправку, благо сетка была стандартная, mil-dot, майор попытался передернуть затвор – но затвор не поворачивался. Не поворачивался, и все, а мужики то ли не поняли, что по ним стреляют, то ли еще что – они просто прибавили ходу.

– Твою мать!

Крепкое ругательство и рывок затвора помогли – оказывается, он здесь просто отводился назад, без поворота. Новый выстрел – и снова промах. Теперь те, кто бежал, уже поняли, что дело дрянь, но сделать ничего не успели. Третьим выстрелом майор попал одному из беглецов прямо в спину – его подбросило, как в кино, он упал с разбега и закувыркался под гору на осыпи, сбив с ног и второго.

Второй сделал ошибку – вместо того чтобы бежать, как зайцу, стремясь как можно быстрее разорвать расстояние между собой и снайпером, вместо того чтобы кувыркаться по скальной осыпи, пусть весь изобьешься, может, даже изломаешься, но останешься жив, – он залег за трупом своего сотоварища и попытался вести огонь в ответ. Четвертым выстрелом майор снова промахнулся, пятым, шестым и седьмым попал. Стрельбы с того места, где валялся баул и лежали двое, – больше не было…

Болела голова. Сильно. Отчего-то саднило глаза.

– Бульдог-четыре всем Бульдогам, доложить обстановку…

– Отель-Квебек-три всем станциям, тишина на линии, Бульдог-четыре, доложите обстановку. Вопрос – что у вас произошло?!

В голосе оператора в штабе проскальзывала паника.

– Отель-Квебек-три, танго обстреляли нас и пошли на прорыв, вынужден был вступить в бой. Остатки живой силы

противника блокированы в кишлаке, группы приступили к зачистке.

– Бульдог-четыре, вы слышите меня? Бульдог-четыре, доложите потери, прием!

– Потери доложить не могу, Отель-Квебек-три. Перекличка еще не проводилась, группам поставлена задача по зачистке. По окончании выйду на связь с окончательным докладом, прием.

– Принято, Бульдог-четыре, мы приняли решение о вашей эвакуации, вертолет будет через двадцать. – Майк, просим обозначить площадку.

– Отель-Квебек-три – принято.

Сменив магазин в своей штатной винтовке, – это надо делать всякий раз, когда представляется возможность, а не когда закончатся патроны, – взяв под мышку вторую, трофейную винтовку, майор начал осторожно спускаться вниз, к кишлаку.

Две машины, стоящие у одного из домов, были изрешечены, но не взорвались, машина с ДШК сгорела, ее никто не тушил, и сейчас она просто исходила дымом. Стрелять уже никто не стрелял, все просто продвигались к центру кишлака.

Майор вышел группам зачистки в тыл, двое вскинули автоматы, но тут же убедились, что перед ними свой. У каждого из них на форме была специальная отметка, ее можно бы-

ло закрыть накладным карманом или открыть. Отметка хорошо была видна в прибор ночного видения.

– Сэр…

– Отставить. Продвигаемся дальше.

Вместе они прошли до тех домов, откуда выехала машина и откуда в них стреляли. Здесь же рядом торчали две расстрелянные машины, майор взглянул на них, и неприятное чувство ворохнулось в душе. Два новеньких «Мицубиси Л-200», одна из тех марок машин, которые закупают команды по реконструкции, правительственные структуры, полиция. Эта, потом индонезийский «Форд» и индонезийская же «Тойота», простые, достаточно современные и дешевые машины, в самый раз для Афганистана.

Неужели это полицейские? Неужели они уничтожили полицейских? О чем тогда докладывала группа по реконструкции? Неужели перепутали?

Обменявшись условными сигналами на пальцах, они ввалились в раскрытые настежь ворота, из которых выехала машина.

Еще хлеще! «Форд Икскершн», стоит, занимая половину немаленького двора! Пресвятой Бог! Такие машины есть только у частных охранников, их больше не выпускают, но для Ирака и Афганистана, для частных охранных структур они подходят как нельзя лучше.

Окна закрыты. Там внутри продолжает гореть свет, дверь тоже закрыта.

Майор достал пистолет, показал афганцам пальцами – иду первым. Те согласно кивнули, пристроились за ним.

Пинок по двери ногой, это надо уметь, ты сам должен стоять не перед дверью, чтобы принять пули и осколки растяжки, если таковая там имеется, а за стенкой, а бить ногой надо примерно так, как лягает назад лошадь. Взрыва нет, пуль нет, быстро внутрь. Пистолет в руках, красная точка лазерного прицела скользит по стенам, по полу.

– Дреш! Фаери мекунам![21]

Любой афганец знает эту команду и знает, что при ее подаче надо падать на землю и лежать во избежание более крупных неприятностей.

Самое плохое – в афганском доме нет дверей, но есть что-то вроде занавесок, через которые не видно, что происходит в соседней комнате, но выстрелить или бросить гранату они вполне даже позволяют.

Следующая комната. В куче какого-то тряпья, в углу – женщины, дети, много детей, – здесь в каждом богатом доме несколько женщин и много детей.

Майор отступил в комнату, афганцы прорвались в нее, взяли кучу-малу на прицел. Ненависть в глазах – и с той, и с другой стороны. Каждый американский солдат знал, что здесь нет ни женщин, ни детей, а есть рабы Аллаха, каждому из которых может вздуматься срочно встретиться со своим господином. В третьем году, еще в самом начале, погиб аме-

---

[21] Стой, стрелять буду!

риканский спецназовец Натаниэль Чэпмен, его убил двенадцатилетний пацан, к которому тот повернулся спиной, не видя в нем опасности. Вот и тут… из этой куча-мала может в любой момент выкатиться граната. Им наплевать… нынешнюю скотскую жизнь они с радостью променяют на рай, в который гарантированно попадает каждый шахид.

Интересно только – на хрена будут нужны двенадцатилетнему пацану семьдесят две девственницы? Или все же найдет применение?

Лестница на второй этаж в доме была деревянной, что лишний раз подчеркивало его зажиточность. Майор тщательно осмотрел ее, потом с зеркальцем в одной руке и пистолетом в другой начал подниматься наверх.

Осторожно просунул зеркальце, повел, осматриваясь, – никого.

Наверху были две большие комнаты, видимо, мужские. Вообще дом был редким для Афганистана, афганцы почти никогда не строят больше чем в один этаж, даже в самых богатых домах можно встретить земляные полы. Ни в одной из комнат никого нет, одна пуста, с мебелью и даже телевизором. Вторая – большой стол, на столе ноутбук, современный, в исполнении «Heavy Duty», для тяжелой работы, то есть противоударный и водоустойчивый, но не армейского исполнения, гражданский. На черном экране – бесконечное звездное небо, летящие навстречу звезды. Майор не рискнул трогать ноутбук – может быть заминирован. Чуть в стороне

на столе какие-то бумаги, он мельком глянул – и выругался. Карты! Штабные карты, твою мать, со схемами прикрытия, с минными полями! Ублюдки, в бога душу, даже если он сейчас перебил американцев, – он сделал это совершенно правильно. Это не что иное, как сделка с мусликами! Кто-то решил сдать им карты прикрытия объектов по всей провинции.

Дальше лежал, видимо, брошенный второпях автомат Калашникова, точно такой, какой используют частные охранные структуры в Афганистане, болгарский, с передней рукояткой, фонарем и коллиматорным прицелом, закрепленным «по-скаутски». Майор машинально взял автомат, повесил себе за спину – что-то подсказывало ему, что хозяин его уже не востребует, а в центре лишним не будет. На полу у входа в эту комнату стояли ботинки, в Афганистане принято разуваться, входя в чужой дом. Он злорадно усмехнулся, представив себе, как начался бой, а все в этот момент были необутыми…

Майор вышел на улицу, прислушался – вертолет уже летел, звук его винтов был хорошо слышен на фоне ночной тишины…

Это оказался тот же самый МН-47, который высаживал их, он бросил пару инфракрасных маяков прямо на дорогу, и вертолет плюхнулся прямо на них, поднимая тучи пыли и мелких камней, пилот не собирался глушить двигатели.

Афганцы по приказу майора Джереми собрали трофеи,

документы, какие можно было собрать. Трупы в вертолет они тащить не собирались – завтра приедет команда по реконструкции, она и решит, как быть с трупами, с автомобилями, со всем прочим. Обычно, если какое-то имущество оставалось бесхозным, его отдавали афганцам из ближайшего кишлака, если только это не оружие и не военное снаряжение.

Навстречу майору с коротким автоматом выпрыгнул член экипажа, выпускающий, присмотрелся – и узнал, шагнул вперед, протянул руку.

– Рад вас видеть, сэр! – крикнул он привычно громко, перекрикивая турбины.

Это был техник-сержант Лиу.

– Я тоже, – крикнул в ответ майор. – Прогуляемся?

– А что случилось?

– Я подстрелил двоих парней в полуклике отсюда! Надо посмотреть, они что-то тащили! Ты меня подстрахуешь?!

Техник-сержант задумался на мгновение – по инструкции он не должен был отходить от вертолета ни на шаг, если он совершил посадку в красной, не контролируемой официальными властями территории. Но и своему надо помочь.

– Я сейчас!

Техник-сержант зашел обратно в вертолет, через минуту вышел, показал ОК. Идем…

Вместе, под прикрытием бортстрелка-пулеметчика с Миниганом – майору Джереми было не по себе, когда он пред-

ставлял, что эта адская мясорубка нацелена прямо ему в спину, – они спустились туда, где лежали те двое, которых он подстрелил из снайперской винтовки. Они так и лежали – один на животе, второй пытался укрыться за ним. Рядом была большая, из плотной негорючей черной ткани сумка…

Майор включил фонарик, осветил лицо того, который пытался спрятаться от пуль за трупом своего напарника. Понял, что бесполезно, как раз в голову пуля и попала. Головы почти нет. Осторожно перевернул того, кого подстрелил первым, – в Афганистане тела лучше сдвигать с места «кошкой», под ним может быть граната, муслики из последних сил выдергивают кольцо, чтобы забрать напоследок хоть одного неверного с собой. Но тут все произошло на его глазах, и вряд ли бы эти стали минировать сами себя.

Так и есть – американец! Средних лет, с бородой – но точно американец, борода рыжая, типично кавказское[22] лицо. И разгрузка на нем такая же, как носят наемники и частные охранники – гарды. И оружие – тот же болгарский «АК» с обвесом.

– Сэр! Вы только гляньте!

Техник-сержант сидел на корточках у большой сумки, он открыл «молнию», и сумка распахнулась. Майор подошел, посветил фонарем – в сумке были деньги. Обандероленные пачки с долларами.

---

[22] В США почему-то белые считаются «кавказским типом».

– Сэр, я хочу знать, какого черта у нас здесь происходит.

Непосредственный начальник майора Джереми, полковник Уолтер Форсайт, офицер штаба миротворческих сил, отвечающих за реализацию программы «обучи и вооружи», по которой сейчас несколько сотен американских военных советников пытались создать в Афганистане из разношерстной толпы, которая знала всех своих предков до десятого колена, но не знала, в каком государстве они живут, нечто, напоминающее армию, недовольно скривился.

– Не кричите, майор. Если даже вы сейчас являетесь «привлеченным специалистом», правила субординации распространяются и на вас.

– Сэр, я не хочу кричать, – майор взял на полтона ниже, – просто и молчать я тоже не собираюсь. Мы убили нескольких американских граждан, которые, в свою очередь, находились там, где они не должны были находиться, и делали то, что они не должны были делать. То, что там происходило, слишком сильно смахивает на акт измены, чтобы об этом просто так забыть. Вот я и хочу знать, черт побери. Что?! Происходит?!

Полковник провел руками по лицу, как будто совершая вуду – символическое омовение перед намазом. Они все здесь становились немного афганцами, эта страна затягивала, как кровавое болото.

– Вам это надо? – вдруг спросил он. – Не проще ли все забыть?

– Нет, сэр, не проще. Далеко не проще. Я служу здесь не потому, что здесь платят боевые, если бы я хотел заработать денег, я бы просто пошел в частную охранную компанию и зарабатывал бы как минимум в три раза больше, чем платит мне сейчас «дядя Сэм». Здесь происходит что-то совсем неладное, сэр, иначе бы мы здесь так долго не возились. И я хочу знать – что именно здесь происходит. Сэр.

– Хорошо. Это была специальная операция. Такая, относительно которой существует категорический запрет на упоминание, и если меня кто-то спросит, я буду все отрицать. Советую и вам принять аналогичную линию поведения. Еще в прошлом году действия исламских экстремистов на дороге Пешавар – Кабул и в провинциях Нангархар и Хост заставили нас думать, что им известно то, что они знать не должны. Раз за разом происходили тщательно спланированные нападения, причем противник как будто заранее знал схему нашего реагирования, прикрытия огнем тех или иных передовых баз, сроки подхода и состав выделяемой при нападении помощи. В результате расследования мы установили вот что: некая крупная частная охранная компания, взяв многомиллионные подряды на охрану, заключила с талибами некое соглашение. Суть этого соглашения, по всей видимости, заключалась вот в чем: талибы обязались не нападать на персонал компании и объекты, ею охраняемые, а компания обещала за это расплачиваться. Конечно, риск все равно оставался, например, если ты едешь в машине и у тебя

на пути фугас, то он не будет разбираться, кто ты и к какой охранной компании принадлежишь. Но все равно отсутствие целенаправленных диверсионных действий позволяло этой компании нанимать более низкоквалифицированный и в разы хуже оплачиваемый персонал, экономить на технических средствах обеспечения безопасности и в то же время поддерживать высокую репутацию среди клиентов. Они получали сверхприбыли и часть передавали талибам, соответственно возникла ситуация, при которой обе стороны финансово заинтересованы друг в друге. Потом, после того, как наш президент провозгласил намерение вывести войска или, по крайней мере, их часть, заменив их привлекаемыми на контрактной основе частными структурами, у указанных лиц возникла мысль ускорить этот процесс. Ведь получалось, что по новым контрактам открывалась возможность получать подряды не на обеспечение безопасности конкретного лица, объекта или конвоя, но на поддержание порядка в целых уездах и провинциях. Для того чтобы получить эти контракты, нужно было продемонстрировать неэффективность американской армии в вопросах наведения порядка и в то же время на контрасте продемонстрировать собственную эффективность в этих вопросах. Тогда эти лица – а все они были бывшими военнослужащими и сотрудниками правительственных структур США, имели немалые связи и возможности по старым местам службы – стали планировать вместе с талибами террористические нападения на военно-

служащих и объекты армии США и активно содействовать в этом талибам предоставлением вооружения, в том числе специального, секретной информации и советов по организации нападений. Нам удалось выяснить, где и когда состоится очередная встреча представителей данной компании и представителей бандформирований. Мы не могли реализовать эту информацию официально, потому что у указанных лиц были значительные оперативные возможности и о планируемых операциях против них им, безусловно, стало бы известно. Тогда мы приняли решение задействовать ваш батальон, он был учебным и в то же время благодаря вам отлично подготовленным. Вас вывели на учебную миссию, и только когда вы вплотную подошли к известной нам точке, вам передали приказ, который вы и выполнили. И блестяще, надо сказать, выполнили, подполковник Джереми.

Майор не обратил внимания на то, что только что стал подполковником. Ему было просто не до того, он сидел и пытался как-то ужиться в новом мире, который открылся ему после того, как он все это выслушал. Мир был темным, жутко воняющим и страшным.

– Я же говорил, что лучше вам этого не знать.

Майор, вернее, теперь уже подполковник, покачал головой, как будто пытаясь прийти в себя после хорошего боксерского удара в подбородок.

– Мне кажется, что эта страна проклята… – задумчиво сказал он, – из нее невозможно уйти живыми. Мы здесь уби-

ваем сами себя, сэр. Это не они нас убивают, это мы сами себя убиваем изнутри. Когда русские отсюда ушли, сэр… через три года их страны не стало. Теперь я понимаю, почему.

– Бросьте. Сейчас не время философствовать.

Майор посмотрел в глаза полковнику:

– Как раз самое время, сэр, вы ошибаетесь. Мы должны остановиться и подумать. Что-то мы делаем не так, если такое происходит внутри нас. Когда мы воевали во Вьетнаме – да, мы теряли там больше людей. Но я никогда не слышал о том, чтобы там кто-то продался узкоглазым за деньги и помогал убивать. Даже не так – чтобы кто-то сам платил узкоглазым деньги и помогал им убивать. И во время первой «Бури в пустыне» этого не было. А сейчас это есть. С нами что-то не так, сэр. А остальные? Там ведь были не все, так?

Вместо ответа полковник вытащил прошитую, аккуратно сброшюрованную папку, которые раздавали журналистам, – в них пресс-центр подшивал данные об обстановке за день. Здесь пластиковая обложка была красной – значит, содержала истинную информацию, а не ту, что передавали журналистам.

– Вторая страница. Восьмой пункт.

Майор открыл вторую страницу, пробежался пальцем по заламинированному листу бумаги. На двадцатом километре дороги Кабул – Джелалабад попал в засаду конвой. Частная охранная структура, три машины. Одиннадцать погибших.

– Собирались сваливать, – бесстрастно прокомментиро-

вал полковник, – сразу просекли, что к чему. Там были умные люди, у них этого не отнять. Собирались сбежать в Пакистан, потом в Индию, где у них были денежки.

– То есть мы не собираемся привлекать кого-то к ответственности, так, сэр?

Полковник посмотрел на майора Джереми, как на слабоумного:

– Вы с ума сошли? Если все это г…о всплывет, дело может закончиться чем угодно, и уж явно в Пентагоне освободится много кресел. Для чего нам это надо? Это белье слишком дурно воняет, чтобы его стирать, – его надо просто закопать и забыть о нем. Сделав то, что мы сделали, мы послали всем что-то вроде черной метки. Предупреждение: «Ведите себя хорошо с американской армией, иначе будет плохо». Теперь, если кто-то и задумается о подобном – он будет учитывать и то, что, попавшись, он пойдет не к прокурору и не на скамью подсудимых, и об адвокате он может не мечтать. Кстати, полковник Томпсон из тренировочного центра в Джелалабаде собирается покинуть страну по замене. Вы не хотите это обсудить?

Майор Джереми без разрешения встал. Бросил папку, хлестко приземлившуюся на лакированную поверхность стола.

– Нет, сэр. Я больше ничего не собираюсь обсуждать.

У самой двери стоял капитан Таккер, из G2, в аккуратно отутюженной форме. Увидев выходящего из кабинета майо-

ра, он встал ему навстречу, улыбнулся:

– Мои поздравления, сэр.

Майор улыбнулся ему в ответ. А потом расквасил ему нос. И успел поддеть ногой, прежде чем его успели оттащить.

Конечно же, этот удар по лицу оставили без последствий и даже сохранили звание подполковника. Но из Афганистана его убрали. Послали в Йемен, благо у американской армии теперь было более чем достаточно таких вот поганых мест, куда можно засунуть провинившегося офицера и надеяться, что больше ты его никогда не увидишь.

Ближняя ретроспектива. 15 октября 2012 года
Афганистан, провинция Нангархар
Пограничная зона, район населенного пункта Герд
Zulu mission

Иногда бывает так: ты в полном дерьме и думаешь, что хуже этого – сидеть в полном дерьме – нет ничего. Но так бывает только до той поры, пока не придет какой-то ублюдок и не нажмет на смыв в сортире. Вот тогда-то ты понимаешь, что такое настоящие проблемы.

Пройдя ускоренные курсы подготовки сержантского состава на базе в Баграме, где был развернут тренировочный центр, капрал Джим Гэтуик получил первое сержантское звание и squard под свое начало. Двенадцать – черт побери – птенцов, которые пошли в армию, потому что на граждан-

ке было все хуже и хуже, а в армии платили как следует, и которых надо было научить всему, что знал он сам, сержант Гэтуик, чтобы они не отправились домой в накрытом национальным флагом гробу.

Часть, в которую входил взвод сержанта Гэтуика, обозначили как Task Force Musketeer и перебросили в Джей-бад, так американцы называли Джелалабад, второй по величине город Афганистана, крупный торговый и культурный центр. В городе открыто правили брат президента Карзая Шовали Карзай и губернатор провинции Нангархар Голь Ака Ширзай, он же глава Джелалабадского синдиката. Они имели серьезный конфликт на почве раздела рынков и поддержания цены на опий с другим братом президента – Абдулом Каюмом Карзаем, который был депутатом парламента и возглавлял Кандагарский синдикат. Абдул Каюм почти в открытую имел дела с талибами, в то время как Шовали имел дела с пакистанской разведкой, конфликт был и на этой почве. В одиннадцатом году Шовали чуть не убили, в толпе подорвался смертник, погибли больше пятидесяти человек, но сам Шовали остался жив. В содеянном подозревали Абдул Каюма, но кое-кто называл и имя Джамиля Карзая, племянника президента, тоже имеющего дела в Нангархаре, находящегося на вторых ролях, но думающего о будущем и о том, как выдвинуться на первые роли. Поговаривали и о том, что взрыв был предупреждением брату президента от самого президента – мол, Шовали вконец обнаглел, через голову президента

работает с пакистанцами и утаивает часть денег, полученных за вырученный опий и диацетилморфин. В общем и целом – в Джей-бад служить было весело.

Взвод сержанта Гэтуика состоял, как и положено, из двенадцати человек, три огневые группы по четыре человека в каждой и он сам – squad-leader. В каждой из трех групп – тоже был лидер, и если в двоих он был почти что уверен, то третий вызывал у него все больше и больше вопросов. Но – придраться пока было не к чему.

Хулио Вальдес, fire team leader-3. Чуть выше среднего роста, мексиканец, молчаливый, не такой, какими обычно бывают мексиканцы. Биография чистая, он это специально проверил, но явно в прошлом что-то было. Чувствуются повадки.

Людей не хватало катастрофически, сейчас все идут торговать на бирже или сниматься в Голливуде или еще куда, но только не в армию, вербовщики не выполняют заданий по вербовке, лучших моментально переманивают частные охранные структуры, и поэтому сейчас в морскую пехоту США принимают так, как не принимали никогда – особо не присматриваясь. Хочет служить, документы чистые – и все. Больше ничего не требуется. Еще на Парис-Айленде Вальдес набрал себе группу, которая и стала его командой – три человека. Двое мексиканцев и белый парень, тоже с чистыми документами и тоже с недобрыми замашками. Еще двое мексиканцев, Родриго Фуэнтос и Хосе Луис Амойо, подчеркну-

то не общались ни с Вальдесом, ни с его людьми, держались своих команд, и это было заметно. Оба они были в группе fire team leader-2 Джереми Винсента по прозвищу Большой Белый Парень – это был баскетбольного роста негр, который таскал трофейный (завалили парня из АНА, они оказались рядом, пулемет свистнули) пулемет М240 и рюкзак с большой лентой на спине, как Терминатор. Большой Белый Парень, несмотря на угрожающий вид, был довольно добрым, отзывчивым на шутки человеком. Fire team leader-1, жесткий и крепкий парень, Айзек Смитсон, примерный христианин, из семьи христиан, но с традициями службы в армии, родом из Луизианы. Несмотря на то что жители Техаса и Луизианы обычно враждуют – Гэтуик сильно подружился со Смитсоном, пусть у него были несколько… неполиткорректные взгляды, и теперь первая огневая группа была первым подспорьем в любой заварушке.

Так вот… что касается третьей группы… Тут нельзя было даже конкретно сформулировать претензии. Эта группа была дружной, даже слишком, она была как бы на особинку от всего остального взвода. Обычно во взводе делятся всем – а эти парни никогда ничем не делились. Даже общались они не на английском, а в основном на испанском, который знали все четверо. Вальдес демонстративно подчинялся всем приказам Гэтуика, гонял свою группу на тренировках еще больше, чем требовал сержант, но в то же время сержант видел, что в третьей команде люди подчиняются Вальдесу, а не ему,

и ему они будут подчиняться ровно до тех пор, до каких ему подчиняется Вальдес.

Возможно, с Вальдесом стоило бы серьезно поговорить, но сержант не делал этого. Просто… говорить было не о чем, а он чувствовал, что Вальдес на серьезный, откровенный разговор не пойдет, ему это не нужно. Перетасовать команды? А смысл? Эффективность снизится сразу, просто так команды не тасуют, и ему самому придется объясняться перед командованием. Для чего он это сделал. А в самом деле – для чего?!

Так что Гэтуик оставил группу-3 в покое и требовал от них ровно того, что положено требовать по службе, а они это выполняли. Вот и все.

Обстановка в Афганистане внешне стабилизировалась на каком-то уровне, пусть очень плохом. Пакистан сваливался в нищету, власть едва держалась. Американцы, разочаровавшись в президенте Зардари, теперь демонстративно имели дела с начальником Генерального штаба армии Пакистана генералом армии Ашфаком Каяни, словно подталкивая того к государственному перевороту, – видимо, хотели сделать из него второго Мушаррафа. Каяни пожимал руки американцам и принимал от них помощь, но ровным счетом ничего не делал, он знал всю шаткость ситуации в Пакистане и понимал, что любое резкое движение может сдвинуть с места лавину, которую потом не остановить. Президент Зардари теперь делал отчетливую ставку на Китай, и в пакистанском

Генеральном штабе теперь сидела группа китайских советников, численностью около пятидесяти человек. Операции в Кандагаре ничего не дали ни в десятом, ни в одиннадцатом году, город по-прежнему оставался на осадном положении, и наиболее умные люди отчетливо понимали – рано или поздно его придется оставить.

В Америке бушевала предвыборная кампания, против Барака Обамы республиканцы выставили Сару Бейли, нового пророка и мессию. Удивительно было то что, в отличие от Обамы Сара Бейли вообще не напрягала себе голову мыслительным процессом, ее интеллектуальный уровень (бывшая королева красоты) у хорошо осведомленных людей вызывал тихий ужас. Она брала другим – неистовой верой в то, что в нее вложили, убежденностью и готовностью на самые радикальные меры. «Зажигать» она умела не хуже Обамы, умела подать себя, но в серьезных дискуссиях мешалась. Она почти ничего не знала про международные отношения, про внешнюю политику, но она знала только одно: Америка должна оставаться единственной сверхдержавой, всех, кто этому препятствует, надо уничтожить. В том числе и военным путем.

А что нужно было людям? Простым американцам? Обаму было просто жаль – совершенно правильные предвыборные лозунги он не воплотил в жизнь, элементарно продавшись. Торг шел до самого конца, *киты* Демократической партии выбирали, кого выставлять на выборы, его или Хиллари

Клинтон. Шансы победить были что у одного, что у другой ввиду чрезвычайно низкого рейтинга предыдущей президентской администрации, сильно дискредитировавшей Республиканскую партию в целом. На этом фоне Обама продался, забыл о совершенно правильных вещах, которые проскальзывали в его выступлениях, – немедленно выводить войска и из Ирака, и из Афганистана и начинать расследование по фактам совершенно безумного уровня коррупции предыдущей администрации, за восемь лет разворовавшей страну. Потом, придя к власти и не имея – в силу молодости и отсутствия должного управленческого опыта в исполнительной власти – внутреннего стержня и способности жестко отстаивать свои убеждения, он пошел на поводу у людей, насквозь коррумпированных и зарабатывающих на войне немыслимые деньги. Он не только не вывел войска из Афганистана, но и ввел туда дополнительные силы, а вывод войск из Ирака был задержан. В итоге – из Ирака все-таки вышли, оставив там три дивизии наблюдателей и советников, не считая частных охранных структур, а вот в Афганистане засели крепко. Очень крепко.

Теперь уже Обама, которого бросила значительная часть навязанной администрацией Демократической партии команды, вынужден был строить свою предвыборную программу не на внутренних проблемах, а на внешних, следуя повестке дня, навязанной напористыми республиканцами. Он уже не мог говорить о выводе войск, потому что это он уже

говорил в прошлый раз и обманул американцев. Но он не мог занимать и позицию Бейли, которая, если выразить ее в трех словах, звучала так: «Америка может побеждать!» – потому что в этом случае он следовал бы в фарватере республиканцев, теряя, а не набирая очки. В итоге внешнеполитическая программа действующего президента отличалась сумбурностью и невнятностью, в то время как кандидат от Республиканской партии «глаголом жгла сердца людей». В экономике – кризис удалось купировать действиями опытных профессионалов, и это Обама мог ставить себе в заслугу, коллапса банковской системы не произошло, доллар оставался резервной валютой, фондовый рынок медленно, но верно поднимался, американские казначейские обязательства со скрипом, но распродавались. Но не было самого главного – не было посткризисного роста. Обама так и не смог выйти из смертельной ловушки американской экономики последнего времени – совершенно немыслимых расходов на безопасность. Здесь надо было рубить топором и сплеча, ликвидировать разом всю созданную республиканцами систему обеспечения внутренней безопасности страны. Ликвидировать Министерство безопасности родины, чудовищную раковую опухоль на теле Америки, которое по идее должно было стать единой спецслужбой наподобие советского КГБ, но хотели как лучше – получилось как всегда, образовалась новая спецслужба, и остались и даже увеличили численность все старые. Надо было раз и навсегда

отменить не только PATRIOT act, принятый Бушем, но и все остальные, ограничивающие права и свободы человека. Скорее всего, нужно было заново создавать военную разведку США, объединив РУМО, АНБ, Командование специальных операций и все разведслужбы родов войск в единую структуру наподобие русского ГРУ с сокращением административного и технического состава всех этих до предела раздутых служб, оставляя только добывающих офицеров, аналитиков и обязательно реализацию. Создать американский аналог спецназа ГРУ на базе MARSOC и частей спецназа армии, ВВС и ВМФ. Нужно было перетряхивать весь немыслимый аппарат Министерства юстиции, скорее всего упразднять службу по борьбе с наркотиками DEA (которая в последнее время все больше переходила от борьбы с наркотиками к торговле ими) с передачей всех функций ФБР. Нужно было объединять пограничников, таможенников, подразделения DEA, занимающиеся границей, Береговую охрану в единую службу охраны границ США. И везде – буквально везде – нужно было пройтись с топором, безжалостно отсекая все административные, юридические, финансовые, PR службы, отделы по обеспечению соблюдения прав человека, отсекая «своих» подрядчиков, за откаты «осваивающих» бюджеты на безопасность. Надо было раз и навсегда пересмотреть стратегию в Афганистане – не вводить туда дополнительный контингент, а выводить оттуда войска в соседние, дружественные страны, создавая «зону контролируемо-

го хаоса». Зону, находящуюся под контролем бандформирований, но по которым наносит удары беспилотная авиация и спецназ, уничтожая наиболее активных главарей боевиков, тех, кто пытается пересечь контролируемый периметр или, к примеру, изготовить оружие массового поражения. Нужны были именно новые и экстраординарные меры, а не те, которые уже испробованы и дали отрицательный результат. Обама же вместо этого шел на поводу у всех – у генералов, говоривших, что вот еще чуть-чуть, самую малость и… у финансовых советников, говорящих, что все в порядке и вот-вот начнется новая волна роста. В итоге – Обама к перевыборам подошел с наспех набранной командой, с портфелем сомнительных достижений и, что самое главное, с полным отсутствием яркой и внятной программы действий. Рубить сплеча, как его соперники, он явно был не готов, он ощущал свою ответственность как президент сверхдержавы, но не был к ней готов совершенно.

В то же время шансы у него были, и шансы ему давали сами республиканцы. Президент-женщина – неприемлемо все еще для значительной части американцев, причем в обоих лагерях, как в демократическом, так и в республиканском, это изначально подрывало шансы даже очень яркого кандидата. В то же время еще не прошли национальные дебаты в прямом эфире – а республиканский кандидат уже допустила ряд совершенно неприемлемых ляпов, причем два из них – в прямом эфире, на виду у телекамер. Оно было понятно –

если взять магнитофон и начитать на ленту несколько часов правильных речей, магнитофон не сможет так же ответить на неправильный, не предусмотренный программой вопрос.

Но основная схватка за Белый дом была еще впереди. И состояться она должна была не в Вашингтоне – а здесь, в государстве Афганистан.

В две тысячи десятом году мулла Мухаммед Омар по каналам в Объединенных Арабских Эмиратах вышел на ЦРУ США с некими предложениями, суть которых заключалась в том, что он, мулла Омар, публично предлагает всем талибам прекратить сопротивление в случае, если ряд стран западного мира выполнит ряд условий, в числе которых называлась безопасность его лично и некоторых других полевых командиров, а также допуск Талибана к политической жизни в Пакистане и Афганистане в качестве легальной политической силы. Одновременно такое же предложение получила британская МИ-6. Эти предложения произвели что на Темзе, что на Потомаке эффект разорвавшейся бомбы, на просчет их последствий посадили лучших аналитиков по обе стороны океана. Заключение аналитиков было одинаковым: это не приведет к немедленному окончанию войны, поскольку Талибан не является регулярной армией в том смысле, какой в это слово вкладывают на Западе, он не может капитулировать по приказу свыше, а над значительной частью группировок мулла Омар сохранял лишь номинальный контроль. Однако же, если переговоры с муллой Омаром увен-

чаются успехом – у жителей что Афганистана, что Пакистана появится легальная альтернатива в жизни, а само движение сопротивления удастся расколоть точно так же, как в свое время раскололи на несколько группировок ИРА – Ирландскую республиканскую армию. ИРА, если обратиться к истории, постепенно раскололась на легальную партию Шин Фейн и несколько группировок боевиков – ИРА, временная ИРА, постоянная ИРА. Все они люто ненавидели друг друга и больше уделяли времени борьбе друг с другом, нежели с англичанами, что последних весьма устраивало. Точно так же могло получиться и здесь – пусть не сразу.

Начался тайный переговорный процесс. Среди военных его поддержал прежде всего генерал Дэвид Петреус, специалист по переговорам, в свое время именно переговорами и тонким применением военной силы условно замиривший Ирак[23]. В Абу-Даби, шейх которого предоставил нейтральную площадку для переговоров, выехала специальная группа сотрудников ЦРУ и Госдепартамента США для переговоров с представителями муллы. Если бы переговоры увенчались успехом – это было бы основным козырем администрации Обамы, козырем, который мог бы перебить истеричные речи

---

[23] Хотите знать, как? Боевикам стали платить деньги за то, что они не совершают террористических актов. Это шаг в ад, потому что остальные, как только узнают, что кому-то платят деньги за то, что он не совершает терактов, начнут их совершать, чтобы договорились и с ним. Это шаг к самому страшному кошмару, когда людям начинают платить не за то, что они что-то делают, а за то, что они обязуются что-то не делать.

претендентки на переполненных стадионах. Именно потому, что шли переговоры – Петреус, как мог, сдерживал применение авиации по кишлакам в Кандагаре и в других населенных пунктах.

Увы, в администрации Обамы, наспех собранной, не было никого, кто бы мог подсказать президенту, что повторяется ситуация с другим президентом – демократом Джимми Картером. Повторение шло почти один в один – президент-демократ, идущий на переизбрание, горластый претендент от республиканцев, в одном случае бывший актер, в другом – бывшая королева красоты штата. Униженная, погрязшая во взаимных обвинениях, чувствующая свою слабость и неспособная с этим примириться страна, жаждущая снова почувствовать себя страной, градом на холме, светочем цивилизованного мира. Точно так же опасные люди с радикальными, фанатичными взглядами вокруг республиканского кандидата – и в том, и в другом случаях это были христианские религиозные фанатики. И последний козырь администрации – в семьдесят девятом – это были переговоры о судьбе американских заложников в Иране, переговоры длительные и сложные, с неудачной силовой попыткой освобождения, с публичным унижением сверхдержавы.

Правда, была разница. В восьмидесятом заложников освободили через четыреста сорок четыре дня, ровно в тот день, когда Рональд Рейган принес присягу в качестве президента Соединенных Штатов Америки. Здесь специальная

группа переговорщиков каждый день докладывала президенту о том, что переговоры вот-вот будут завершены и можно будет триумфально выступить по телевидению и объявить американскому народу о завершении афганской миссии – победном завершении, что немаловажно. Ну… если и не завершении, то о существенном прорыве, дающем прямой путь к политическому урегулированию конфликта. Кто же знал, что затишье это – перед бурей и моджахеды просто готовят нечто вроде афганского аналога «наступления Тет». Пятнадцатого октября двенадцатого года Афганистан взорвался вспышкой самого оголтелого насилия, какое только видели на Евроазиатском континенте за последнюю сотню лет.

Этот день запомнился сержанту по одной причине – они сидели на базе в районе аэропорта Джей-бад, сидели в полном составе, и к нему подошел человек из разведки морской пехоты. Это был парень из Техаса, как и сержант, он носил очки, что в морской пехоте до сих пор было не принято, и больше времени уделял терминалу разведки и связи, чем чему бы то ни было на свете. Сержант сидел и ел свою порцию мясного блюда, которое они купили во время последнего патрулирования у проверенного дукандора, а разведчик просто подошел и сел рядом. Так они какое-то время и сидели, а потом разведчик спросил: «Эй, сержант! Ты всех своих людей хорошо знаешь?» Гэтуик прожевал кусок мяса и сказал: достаточно хорошо, чтобы не стучать на них кому попа-

ло. Но разведчик не обиделся и ответил: тогда я, если ты не возражаешь, стукану кое на кого. Твой парень, лидер третьей огневой группы, – разведчик помедлил, словно взвешивая то, что он должен был сказать, – так вот, люди, которым можно верить, говорили мне, что видели его с какими-то парнями на базаре. Сержант ответил: так что в этом такого? Что, моим людям нельзя зайти на базар? А разведчик ответил – в принципе можно, только парни, с которыми он говорил, причем без переводчика, известны как крупные толкачи дури. Зелья. Золотого сна. А здесь, у нас на базе, – нам совсем не нужны проблемы с наркотиками, так что обрати на свой личный состав особое внимание.

После чего – разведчик встал и ушел.

Вечером сержант спросил у Вальдеса: «Эй, парень, говорят, что ты знаешь местные языки? Если это так, то тебе полагается доплата за знание языков». Но Вальдес белозубо улыбнулся и сказал: «Откуда, сэр? Кто вам сказал эту чушь? Я не знаю местное бормотание, я всего лишь бедный мексиканский парень, с трудом окончивший колледж и решивший попытать счастья в Корпусе морской пехоты США».

Гэтуик не оставил бы это просто так – вот только ночью *рвануло…*

Рвануло так, что содрогнулась земля, Гэтуик, который спал в модуле, усиленном листами толстой стали, вскочил

мгновенно.

– Подъем! К бою! Нападение!

Ударил колокол громкого боя – извечный сигнал тревоги для морских пехотинцев, но его голос заглушили новые взрывы, менее сильные, но совсем рядом.

– Миномет! Осторожно, миномет!

Одеваясь, хватая оружие, морские пехотинцы выбегали из укрепленных казарм. На горизонте, там, где был аэропорт, висело зловещее, темно-красное зарево. То тут, то там невидимые в темноте рвались мины.

– Рассредоточиться! Занять оборонительные позиции!

Хорошо, что и здесь они окопались, обложились мешками с землей, на FOB было не меньше сорока единиц различной боевой техники, на периметре пулеметы и автоматические гранатометы в перекрытых блиндажах, несколько рядов колючей проволоки. Мин не было, они были запрещены, но было море растяжек.

За подразделением Гэтуика был закреплен северный сектор обороны, он лично пробежал по укрепленной траншее, проверяя занимающих позиции бойцов, ввалился в ДОТ, который они выстроили сами, своим горбом, – в нем был пулемет M2, автоматический гранатомет и четверо морпехов.

– Что?

Один из морпехов оторвался от пулемета:

– Пока все чисто, сэр. Где-то западнее нас очень сильно рвануло.

– Держи сектор, нельзя допустить прорыва. Муджики пойдут с гор.

– Есть, сэр.

По лагерю уже лупили, лупили из минометов, не ракетами, а именно из минометов. Оседала поднятая разрывами пыль, визжали, чиркая по броне, осколки.

– Второе отделение, взвод, в укрытие! По одному наблюдателю, сменять каждые десять минут! Занимать огневые позиции только при начале штурма!

Смысла торчать в неперекрытых траншеях нет никакого, мина – она нет-нет да залетит аккурат в саму траншею. И рванет. Но и без наблюдателей оставлять позицию нельзя. Поэтому Гэтуик принял соломоново решение – рисковать только одним человеком, а не всем отделением. Один наблюдатель – а остальные в перекрытом бункере, мина не достанет даже при прямом попадании. Смена каждые десять минут – значит, каждый сыграет в рулетку с смертью.

Командный состав собрался в штабном здании, построенном из бетона и дополнительно укрепленном. Даже здесь пахло гарью, сгоревшей взрывчаткой, висела пыль от сотрясения стен. Работали все терминалы связи.

– Гэтуик, сэр! – крикнул кто-то.

Майор Стоктонридж оторвался от терминала связи – на нем была гражданская, наспех накинутая на плечи куртка.

– Сэр, отделение заняло позиции по плану отражения

угрозы. Боеконтакта нет, потерь нет, – доложился Гэтуик.

Майор кивнул:

– Внимание всем! Только что произошел серьезный террористический акт в районе аэропорта. Ай-и-ди. Шахид подъехал к главному входу на заполненном авиационным керосином бензовозе и активировал взрывное устройство. Там много жертв, в аэропорту идет бой и в городе тоже. Похоже, муджики решили поразмяться. Донатас!

– Я, сэр!

– Идешь в аэропорт, ты старший группы. По прибытии доложишь. Задача – восстановить периметр безопасности, уничтожить прорвавшихся муджиков, не дать террористам уничтожить технику и персонал. Китс!

– Я.

– Пойдешь с Донатасом.

– Есть, сэр.

– Все остальные – мобильные отряды, нам приказано выдвигаться в город и усилить оборону стратегических точек. Здесь остается только дежурная смена на прикрытие периметра. Всем собрать максимальное количество оружия, боеприпасов, сухпаек как минимум на три дня, вода. Выдвигаемся по земле, усиленной колонной. Быть готовыми к серьезным боестолкновениям…

Под минометным обстрелом, ругаясь последними словами, они тащили ящики, мешки, оружие к прогревающим мо-

торы машинам. За отделением сержанта Гэтуика был закреплен Mastiff – носатая, уродливая машина, шасси Mack, тяжелого тягача, цельный кузов, сваренный из израильской танковой брони, противогранатные решетки, вес под тридцать тонн и возможность ведения кругового обстрела из массивной башенки ганнера, который был вооружен пулеметом калибра 50. Машина эта по-любому «держала» выстрел РПГ и самый мощный фугас, который только можно было вообразить. Сержант знал парней, которые отделались переломами, после того как под одним из колес рванули три связанных вместе шестидюймовых снаряда и несколько килограммов взрывчатки…

– Быстрее! Быстрее! – Сержант подгонял своих людей, хоть они и так не медлили, – пойди-ка, помедли под минометным обстрелом. – Двигаемся!

Вместе со всеми он совал в кузов ящики, их ставили на пол – это еще одна наука, если держать ноги не на полу, а на чем-то, что поставлено на пол, да хоть на ящиках с боеприпасами, при сильном подрыве тебе не сломает голени и ступни.

– Готово, сэр! – Вальдес остановился рядом, на периметре уже зачастили пулеметы.

– В машину! Мы выдвигаемся!

Сам сержант пересчитал по головам своих солдат, набившихся в машину, как сельди в бочке, сам сел последним, в кабину. Стреляли на периметре уже всерьез.

Ганнер, заняв свое место в прикрытой со всех сторон листами и бронестеклом огневой точке, в которой были обычный пулемет и крупнокалиберный, изо всех сил саданул ботинком в стенку, давая понять, что все в порядке и можно отправляться.

Неприятности начались почти сразу – как это обычно и бывает. Их машина шла второй в небольшом конвое, впереди, на саперном «Баффало» шел Мастерсон, отвечающий за проводку. Непонятно, что и как, но уже на первом километре они подорвались…

– Лис-три, Лис-три, я Аватар-девять. Вышли из зеленой зоны, прошу уточнить задачу по городу, как понял, прием?!

Вместо ответа дорожное полотно, которое вроде как проверялось каждый день (саперами Афганской национальной армии) вдруг вздыбилось, подобно норовистому коню, и сильно подбросило «Баффало» так, что на какое-то мгновение казалось, что машина перевернется. Что же касается шедшего вторым «Мастиффа» – им тоже досталось, но уже мельком. Просто по броне изо всех сил хлестанул град камней, и мутное облако пыли и гари накрыло их, машина пошатнулась, но устояла…

– Ай-и-ди!

– Не останавливаться! – заорал сержант, понимая, что вставшая колонна – это мишень для обстрела. – Жми!

Сидевший за рулем солдат даванул на газ, машина поперла вперед. Но вот объехать обвешанный решетками «Баф-

фало» он уже не смог – машины сцепились с жутким скрежетом, и солдат отпустил газ.

– Мы остановились!

Как назло заглох двигатель.

– Из машины ни шагу! Открыть прикрывающий огонь!

Особенностью «Мастиффа», да и всех других подобных машин, заказанных армией США, было то, что в них не предусмотрены были бойницы. Солдаты, находящиеся в машине, хоть и были в относительной безопасности, – с решетками и навесной керамической броней «Мастифф» спокойно держал гранату РПГ, если не новая тандемного типа, и обстрел из пулемета ДШК с любого ракурса. Но – огневая точка была только одна.

– Что с ганнером?! Что с ганнером?

– Сэр, с ганнером хреново! – крикнул кто-то по внутренней связи.

И не могло быть иначе – он-то единственный попал под ударную волну. Если от осколков убережет щит – то вот от взрывной волны ничего не убережет.

– Цел?! Пусть кто-то встанет за пулемет!

За спиной, в третьей или четвертой машине кто-то все-таки открыл огонь на подавление по горному склону, пыль, поднятая взрывом, оседала. И в этот момент – еще один столб разрыва встал дальше по дороге, на обочине…

– Ракета! Ракетами бьют!

– Лис-три, я Аватар-девять, у нас IED, рядом с базой, ко-

лонна встала, есть пострадавшие. Нужна срочная медицинская эвакуация, как поняли?

– Аватар-девять, вас понял, медэвак уже вышел, повторяю – машина пошла к вам! Вопрос – вы под обстрелом, прием?

– Лис-три, положительно, нас обстреливают, огневые средства вне пределов прямой видимости, минометы или ракетные установки, прием!

– Аватар-девять, вас понял, машина к вам идет. Мы наведем удар, как только установим местоположение огневых средств, не высовывайтесь из машин, прием.

Второй взрыв – скорее всего, все-таки мина – долбанул совсем рядом, их осыпало камнями и осколками.

– Сэр, медэвак прибыл. Медэвак прибыл!

Черт…

– Вытаскивайте пострадавшего. Я пойду с вами!

Сержант замотал лицо шемахом, глубоко вдохнул и открыл дверь, покидая уютное укрытие брони и бросаясь в злой и жестокий мир.

Пострадавшего ганнера уже вытащили из их машины, как назло, это был Винсент, и группа-два осталась без лидера. Он был весь какой-то серый, какими обычно бывают негры, когда им плохо, и сплевывал кровь в пыль. Кровь сочилась и из носа, пахло выхлопными газами, порохом и кровью…

– Ты как? – заорал сержант, потому что ревели и моторы и пулеметы палили черт пойми куда и вообще весь мир как с ума сошел.

– Сэр… нормально все, – ответил Винсент, хлюпая кровью, – отлежусь.

– Кой черт отлежишься?! Мы не в патруле. Тащите его, пока и нас тут всех не накрыло к долбаной матери!

Двое из его команды, огневой команды-два держали здоровенного Винсента под руки, сержант не пойми зачем прикрывал – и так они его довели-дотащили до медэвака. Там никого из медиков не было, все ушли вскрывать наиболее пострадавший «Баффало». Винсента сунули в зев громоздкого бронетранспортера – в нем можно было стоять в полный рост, он с трудом сел на кресло для сидячих раненых.

– Все нормально будет! – Сержант хлопнул его по плечу. – Мы скоро вернемся! Семпер фи!

– Семпер фи, сэр. Спасибо…

На обратном пути они повстречали медика – тот сопровождал парней, которые тащили пострадавшего из «Баффало».

– Сильно?! – проорал ему в ухо Гэтуик, полуобняв и склонившись к самому уху, чтобы было лучше слышно.

– Четверо! – проорал в ответ медик. – Один тяжелый. В основном ноги!

Та же самая ублюдочная ерунда. Взрыв – и несколько пострадавших с переломами ног. Как проклятие какое-то.

– Там я человека своего оставил! Он под взрывную волну попал! Выглядит хреново! Позаботься о нем!

– Принято! – ответил медик.

– Давай! Удачи!

В этот момент – долбануло совсем рядом, и собеседники решили, что с разговорами под огнем пора завязывать…

Дорога шла от огневой базы до аэропорта, дальше по правую сторону от дороги были казармы Афганской национальной армии, и дальше был уже сам Джелалабад, река Кабул тоже была по правую руку. Но сначала – надо было добраться до самого аэропорта.

Сам сержант Гэтуик молча оттолкнул одного из своих людей, встал в башенку ганнера за пулемет, здорово рискуя. Мало того – его машина теперь шла лидером колонны.

Сильно поврежденный взрывом «Баффало» оставили на дороге, теперь у них не было инженерной разведки, не было ни саперов, ни специализированной саперной машины. Кое-как объехав потушенный из огнетушителей «Баффало», они устремились вперед.

У горы Ходжа-Ханафи они прошли горный участок и вышли на ровную местность, мост на удивление не был взорван, хотя прикрывавший его чек-пойнт вел огонь куда-то на восток, и ему оттуда отвечали. Не останавливаясь, они прошли чек-пойнт и мост, тут дорога резко поворачивала на Шармахейль. Машин на дороге было много, в основном грузовики конвоев, многие из них стояли, и они протискивались с трудом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.